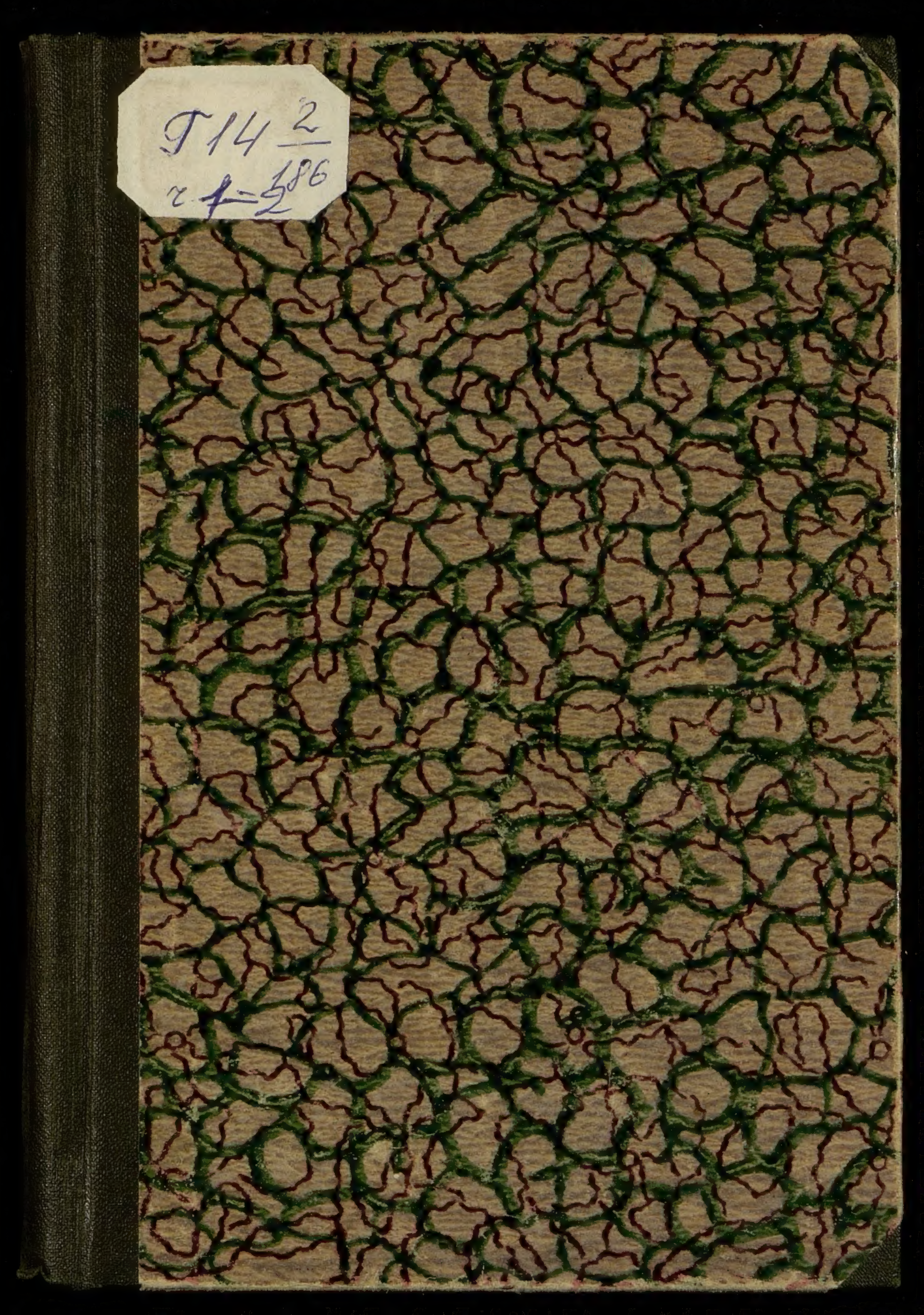
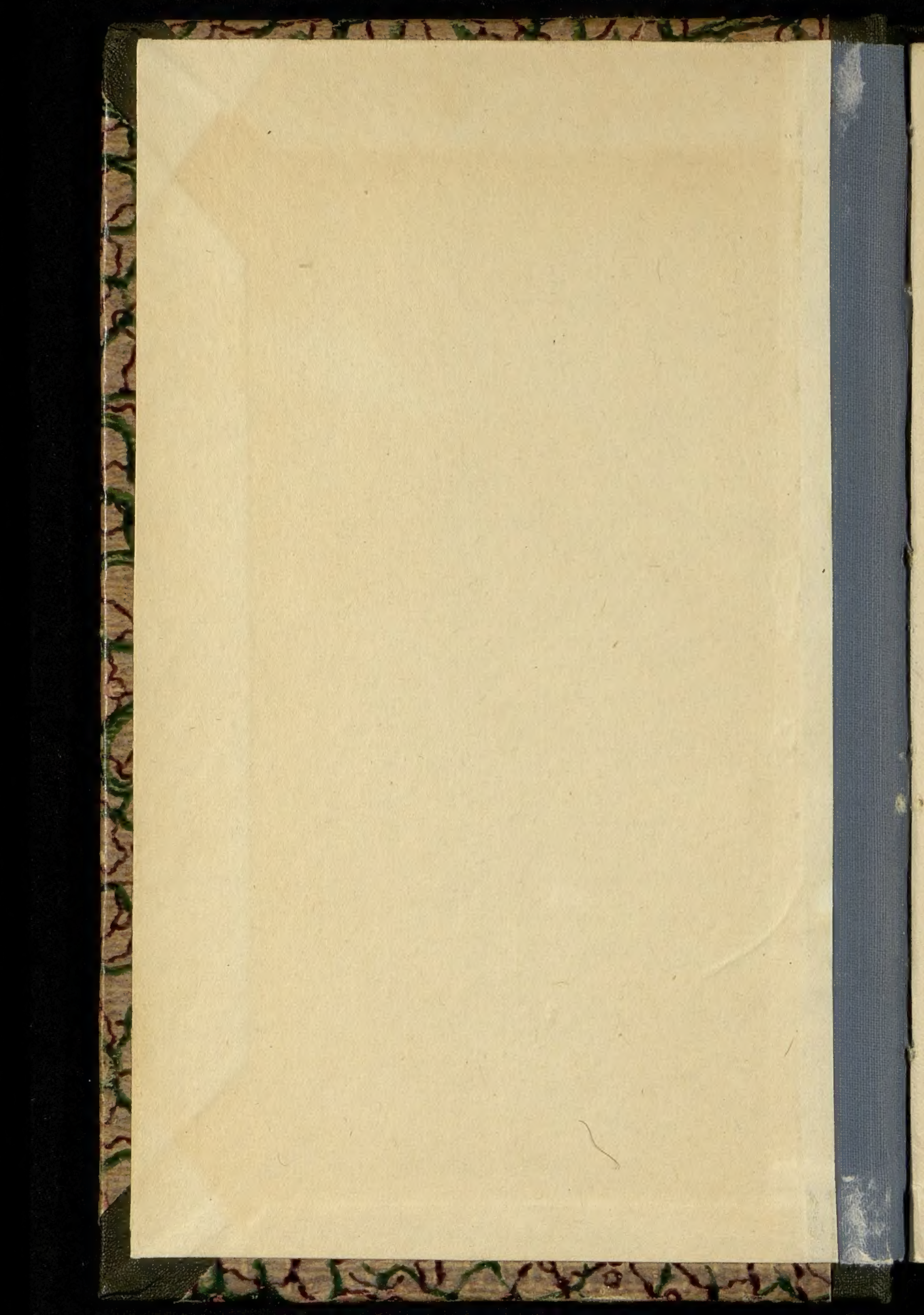

Г14 2/186
г 1-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Такія занятія имѣютъ ту особенную выгоду, что упражняютъ разумъ не утомляя его; онѣ ведутъ къ точному но безтрудному, глубокому но не сухому и невразумительному разысканію; онѣ разсыпаютъ цвѣты на пути наукъ; и хотя содержатъ разумъ въ нѣкоторомъ напряженіи и дѣятельности, но за то облегчаютъ его отъ труда болѣе изнурительнаго, каково есть пріобрѣтеніе необходимой учености, или разысканіе отвлеченныхъ истинъ.

Blair; preface, p. 12.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

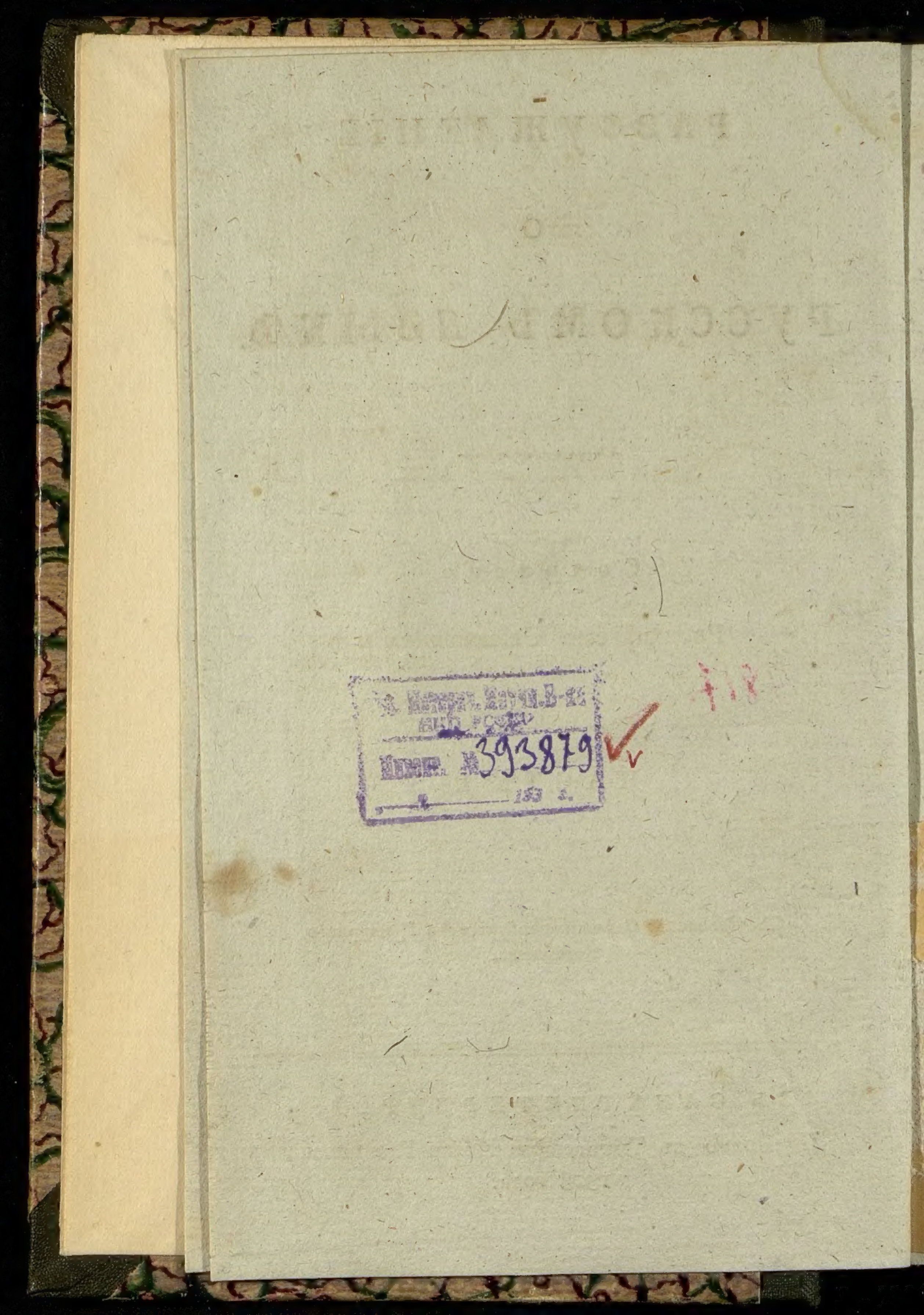
Сочинено

Евстафьемъ Станевичемъ.

ЧАСТЬ I. — 2

С дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Печатано въ Типографіи Ивана Глазунова,
1808 года.

393879

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Разсматривая какую бы то ни было книгу, должно взирать во первыхъ, на пользу ея; а во вторыхъ, на средства употребленныя сочинителемъ къ достиженію оной пользы: ибо нѣтъ почти такой книги, изключая развѣ писанныхъ для одного только удовольствія и пріятности, которая не предполагала бы своей цѣлію пользы; и нѣтъ такого сочинителя, который не воображалъ бы, что его средства суть самыя вѣрныя, надежныя и лучшія. Но какъ всякой имѣетъ свои особенныя начала, на коихъ онъ основываетъ разсужденія, изъ коихъ выводитъ доказательства; то потому и нужно доказательства сіи прежде повѣрить, разсужденія взвѣсить и вникнуть въ правила, дабы узнать, тѣ ли они суть, кои надежно для своего руководства употреблять можно? Всѣ говорятъ о пользѣ, всѣ предлагаютъ свои мнѣнія за самыя безошибочныя, но не на всякія изъ нихъ можно полагаться. Чтобъ не обмануться въ выборѣ оныхъ, то для сего нужно прибѣгнуть къ искуству раздробленія, дабы помощію онаго, какъ научаетъ насъ Кондильякъ, отдѣлить сначала хотя нѣкоторыя справедливыя разсужденія отъ ложныхъ, а потомъ уже достигать и до самой истинны, прежде отъ насъ сокрытой: какъ въ наукѣ числительной помощію нѣкоторыхъ извѣстныхъ чиселъ доходятъ до неизвѣстныхъ прежде количествъ.

Руководствуяся симъ свѣтильникомъ умствованія, разсмотримъ здѣсь книгу *разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*, и вникнемъ въ причины, понудившія сочинителя написать оную. Раздробимъ его правила и средства со всею строгостію, и такимъ образомъ проникнемъ въ его сердце, сопричастимся его чувствованіямъ, поставимъ себя на его мѣстѣ, посмотримъ, на предлагаемыя имъ въ сочиненіи его вещи изъ той точки, изъ которой онъ и самъ глядѣлъ на нихъ; и буде есть вѣрнѣйшая, то перенесемся и на ту, да-

бы осмотрѣвъ тѣ вещи со всѣхъ сторонъ, могли надежнѣе на изысканіе дѣла нашего положиться.

Что побудило сочинителя написать сію книгу? послушаемъ его самаго. "Всякъ, говоритъ онъ, кто „любитъ Россійскую словесность, и хотя нѣсколь„ко упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неиз„цѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію „къ Французскому языку, тотъ развернувъ боль„шую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ съ сожалѣ„ніемъ увидитъ, какой странный и чуждый поня„тію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ „оныхъ" . . . . Такъ начинаетъ сочинитель свою книгу, и въ первыхъ строкахъ ея не скрываетъ своего мнѣнія о поврежденіи языка нашего новыми писателями. Сіе мнѣніе подтверждаетъ онъ многими выбранными изъ новѣйшихъ книгъ примѣрами, коихъ несообразность съ правилами и существомъ Россійскаго языка доказываетъ несамопроизвольными какими возраженіями, но на словопроизведеніи и разумѣ нарѣчія основанными разсужденіями. Противники его, возражая ему, не токмо не говорятъ ни гдѣ, что онъ взводитъ на тѣхъ писателей ложь и небылицу, но подтверждая еще приведенные имъ примѣры, защищаютъ ихъ какъ истинные образцы красотъ нашей словесности: естьли они возстаютъ на сочинителя, то это за то, что онъ охуждаетъ приведенные имъ примѣры, и называетъ ихъ порчею языка, а неговоритъ съ ними, что они составляютъ богатство онаго и служатъ къ вящшему его украшенію и совершенству. Сочинитель разсматриваемой книги ссылается на славенскія, и приводитъ изъ нихъ цѣлыя мѣста для удобнѣйшаго истолкованія коренныхъ словъ и для яснаго показанія силы знаменованія оныхъ въ первоначальномъ ихъ употребленіи. Вездѣ онъ подкрѣпляетъ свои мнѣнія доказательствами; вездѣ объясняетъ доказательства примѣрами; вездѣ желаетъ показать намъ, что онъ отнюдъ не поставляетъ себя судьею, но убѣждаетъ самою древностію языка нашего, сохранившагося чрезъ столь долгое время и между толь многими и различными племенами, кои и поднесь еще объясняютъ на немъ свои нужды и мысли. Противники его, напротивъ того, вездѣ оказываютъ презрѣніе къ сему прародительскому языку, который самая древность освятила и пощадила,

который сохранило самое время, истребившее толь многіе другіе; и къ чему оно не смѣло, кажется, прикоснуться своею косою, на то съ толикимъ остервененіемъ они посягаютъ. Мудрые чтятъ даже и грубые народные предразсудки, освященные вѣками; буде же къ нимъ и прикасаются, то развѣ со всею осторожностію и благоразуміемъ; но и тогда въ дѣйствіяхъ своихъ они поступаютъ медленно и постепенно, предоставляя болѣе послѣдующимъ вѣкамъ ослаблять и потомъ испровергать ихъ, почитая дни свои краткими для приведенія намѣреній своихъ въ исполненіе. Такъ мудрые и съ самыми невѣжественными обычаями поступаютъ. Но что внушаетъ имъ сію кротость? Имъ ли щадить невѣжество, имъ ли преклонять блестящее лучами истинны чело свое предъ кумиромъ народныхъ заблужденій? Нѣтъ безсомнѣнія; однако та же мудрость, которая озарила ихъ разумъ, внушила имъ и снисхожденіе къ людскимъ предразсудкамъ, содѣлавшимся нѣкоторымъ утѣшеніемъ народовъ; не предразсудки щадятъ они, но ближнихъ своихъ, покоющихся на сихъ предрузсудкахъ, какъ бы на мягкомъ возглавіи, и посреди грозныхъ привидѣній пріятный сонъ вкушающихъ: внезапное пробужденіе можетъ быть иногда пагубно. Не по такимъ ли дѣйствіямъ познается человѣколюбіе? Защитники же новаго нарѣчія по видимому не разсудили за благо послѣдовать симъ правиламъ, а почли за лучшее не токмо не щадить подобныхъ предразсудковъ, но еще вмѣнили себѣ въ какую то особенную славу возстать на самую священную вещь, какая только можетъ быть для народа: они возстали на языкъ свой, коего первые звуки поразили ихъ при рожденіи, коему научалися они вмѣстѣ съ лепетаніемъ, и къ коему на грудяхъ матерей своихъ привыкали еще съ воздоеніемъ.

Я не стану приводить здѣсь всѣхъ ихъ оскорбительныхъ для языка выраженій, дабы не утомить читателя и не наскучить ему повтореніемъ того, что сказано какъ въ ихъ собственныхъ разсужденіяхъ, такъ и въ опроверженіяхъ на нихъ сдѣланныхъ, и поелику почти каждому читателю о нихъ и безъ того извѣстно.

Нынѣшніе сочинители, созидающіе особенный языкъ свой по образцу языка Французскаго, ни чего другаго таковымъ поступкомъ не доказываютъ, кромѣ того, что не прилѣжая съ младен-

чества къ отечественной словесности, они употребили большую часть своего времени на изученіе нарѣчія чуждаго; а пришедши въ совершенный возрастъ были столь лѣнивы, что не захотѣли вникнуть въ книги, написанныя ихъ предками: или сдѣлались столь не благодарны къ своему отечеству, что предпочли своему нарѣчію языкъ иноплеменный, коего красотами до того ослѣпились, что уже ни какой здравый разсудокъ не въ состояніи обратить ихъ на путь истинны. Но оставимъ на время обнаруживать ихъ заблужденія, а лучше разберемъ, откуда могло произойти въ душахъ ихъ такое къ отечественному языку охлажденіе? Обратимся на сей конецъ къ сочинителю разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ, дабы не потерять его изъ виду, и пойдемъ за нимъ въ его разсужденіяхъ, изслѣдуемъ начальныя причины, возродившія въ немъ первыя о таковомъ языка поврежденіи понятія. . . . "Отколѣ, „спрашиваетъ онъ самъ, пришла намъ такая нелѣ„пая мысль, что должно коренный, древній, богатый „языкъ свой бросить, и основать новый на прави„лахъ чуждаго, не свойственнаго намъ и бѣднаго „языка Французскаго? Поищемъ источниковъ сего „крайняго ослѣпленія и грубаго заблужденія нашего".

„Начало онаго происходитъ отъ образа воспи„танія; продолжаетъ онъ; ибо какое знаніе можемъ „мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда „дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ „самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на ру„кахъ у Французовъ, прилѣпляются къ ихъ нра„вамъ, научаются презирать свои обычаи, нечув„ствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и „понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе нежели „своимъ и даже до того заражаются къ нимъ при„страстіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ ни„когда не упражняются, не токмо не стыдятся не „знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ по„стыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы „нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, „хвастаютъ и величаются".

Вотъ начало, откуда производитъ почтенный согражданинъ нашъ сіе развращеніе умовъ нынѣшнихъ писателей, сіе безразсудное наше пристрастіе къ чужому нарѣчію, сіе слѣпое рвеніе научаться оному на тотъ конецъ, дабы пренебрегать потомъ

своимъ народнымъ. Вездѣ видна въ его твореніи любовь къ отечеству; на каждой страницѣ обнаруживается его усердіе къ истиннѣ; съ каждымъ словомъ излетаетъ желаніе обратить своихъ единоземцовъ на любленіе общаго намъ языка. Потомство, предъ лицемъ котораго изчезаютъ всѣ личныя поползновенія и частныя виды, станетъ о немъ судить по симъ лишь чувствованіямъ, и конечно повѣритъ ему. Оно также будетъ справедливѣе обремѣнять насъ за нашу холодность ко всему отечественному тѣмъ презрѣніемъ, какое мы теперь оказываемъ съ такою неблагодарностію отцамъ нашимъ. Такъ по истиннѣ, ни что другое, кромѣ воспитанія, не властно произвести въ умахъ толь непонятной перемѣны, возжечь въ сердцахъ толь примѣрной ненависти къ своему природному нарѣчію, и толь чуднымъ и страннымъ образомъ направить наши понятія. Безъ сей очаровательной, или паче нашъ разумъ обояющей силы не могло бы произойти такой превратности во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ, такого рѣшительнаго отвращенія отъ всего того, что досталось намъ отъ нашихъ предковъ, и толь непоступнаго упрямства вооружаться противъ того, что почитается за самое священное и у дикихъ даже народовъ. Такъ, одно воспитаніе всему злу сему причиною. Иностранцы принимаютъ дѣтей Россійскихъ при ихъ рожденіи; иностранцы руководствуютъ ихъ младенчествомъ, управляютъ юношествомъ; иностранцы окружаютъ нѣкоторыхъ изъ бояръ нашихъ предпочтительно предъ ихъ единоземцами. Словомъ, Руские не могутъ ступить шагу безъ того, чтобы не имѣть при себѣ иностранца; и сія зараза предпочитать иноземное природному до того разпространилась, что начиная отъ столицъ до самыхъ отдаленныхъ селеній, вы найдете повсюду иностранцевъ воспитывающихъ, образующихъ, и наставляющихъ дѣтей дворянъ нашихъ. Таково состояніе Россійскаго дворянства, которое, по нещастію, чѣмъ блистательнѣе, тѣмъ болѣе подвержено толь справедливымъ отъ сограждан своихъ укоризнамъ. Пріѣзжій изъ дальной области въ Москву, а наипаче въ Петербургъ, приходитъ въ искушеніе спросить, въ Россіи ли онъ? Вездѣ, гдѣ ни появится онъ, слышитъ, что говорятъ по Французски; и горе ему, естьли онъ не въ состоя-

нiи, я не говорю уже во все, хотя посредственно на семъ языкѣ объясняться. Будучи членъ народа издревле преславнаго своими побѣдами, и привыкшаго давать другимъ народамъ законы, онъ принужденъ будетъ по среди столицы сего самаго народа стыдиться, что родители его не дали ему пристойнѣйшаго и лучшаго воспитанiя, нежели какое онъ получилъ отъ нихъ; то есть, что они давъ ему понятiе о наукахъ украшающихъ его разумъ, не научили его болтать по Французски. Уже онъ обвиняетъ ихъ за такое о немъ небреженiе, и безумнымъ ропотомъ возмущаетъ тишину гробовъ ихъ. Онъ почитаетъ себя нещастнымъ, думая, что онъ въ обществахъ не къ стати; онъ тоскуетъ о какихъ то утѣхахъ, прiятностяхъ, коихъ лишился по не знанiю языка Французскаго; и всякой его вздохъ летитъ на могилу отцевъ его нарушать покой костей ихъ. Безумецъ! по истиннѣ ты не щастливъ не потому, что не говоришъ по Французски; но что безумiе тебѣ подобно несмысленныхъ людей до того обуяло твои мысли, что ты изъ ихъ заблужденiя дѣлаешъ свое нещастiе. Возвратися въ мѣста тобою оставленныя, возвратися подъ мирныя тѣни деревъ насажденныхъ благотворною рукою твоихъ предковъ; насажденныхъ, можетъ быть, или въ знаменiе какого подвига на пользу отечества, или во знакъ сердечной ихъ нѣжности къ своимъ дѣтямъ; возвратися въ нѣдра ввѣренныхъ тебѣ судьбою добродушныхъ поселянъ, между которыми, можетъ быть, ты наслаждался прочнымъ щастiемъ; не подражай преступно вѣтренымъ твоимъ соотечественникамъ, которые покоемъ, судьбою и всѣмъ благомъ бѣдныхъ земледѣльцевъ жертвуютъ своимъ прихотямъ, подкрѣпляемымъ въ нихъ выдумками народа, о не знанiи нарѣчiя котораго ты соболѣзнуешъ. Опомнися на время, обрати твои взоры на тѣхъ, коимъ ты завидовать сталъ. Правда, они искусны въ чужомъ языкѣ, но за то невѣжи въ своемъ; они щедро ради тщеславiя награждаютъ льстящихъ самолюбiю ихъ иностранцевъ, но вникни въ участь поселянъ ихъ: не они ли становятся первою жертвою таковой ихъ страсти къ чужеязычiю, а съ онымъ и ко всему иноземному? Вино сребрится въ ихъ кубкахъ посреди собранiя, составленнаго изъ ино-

странцевъ, а у поселянъ ихъ не достаетъ уже поту для орошенія полей ихъ. Французъ пріуготовляющій имъ яствы получаетъ иногда такую плату, какою нѣсколько семействъ могли бы жить свободно и благополучно, и когда, можетъ быть, умираютъ съ голоду нѣкоторые изъ крестьянъ ихъ. Скажи мнѣ, какой Французъ говорилъ нашимъ дворянамъ о жалости къ подчиненнымъ ихъ? Не Французъ ли еще утверждалъ злодѣйскія въ нихъ мысли, что крестьяне наши грубы, не просвѣщенны, дики, и что ужасно жить между ими, тягостно быть отцемъ ихъ? Нѣтъ, внушать въ нихъ состраданіе къ соотечественникамъ и любовь къ народу своему есть дѣло Русскаго, а не иностранца.

По истиннѣ таковое состояніе достойно сожалѣнія, когда не знаніе языка Французскаго стало почитаться или невоспитаніемъ или невѣжествомъ. Въ слѣдствіе сего когда изъ средняго состоянія кто выходитъ на нѣкоторую значущую степень почестей, и не получилъ воспитанія, какъ у насъ называютъ, просвѣщеннаго, онъ нанимаетъ къ себѣ Француза, и будучи пожилыхъ лѣтъ, старается всѣми способами ломать нещастный языкъ свой, дабы пріобучить его къ правильному словъ Французскихъ выговору; и симъ средствомъ сопріобщиться избраннымъ обществамъ большаго свѣта, гдѣ будто закономъ положено казаться какъ можно менѣе Рускимъ. Смѣшно и странно видѣть Русскаго дворянина, частію изъ хорошаго и извѣстнаго дома, въ которомъ отечество нѣкогда считало вѣрныхъ сыновъ своихъ и защитниковъ, проливавшихъ за него кровь свою и жертвовавшихъ ему своею жизнію, какъ онъ всячески ужимаетъ губы, то пришепѣливаетъ, то картавитъ, дабы какъ можно ближе подойти къ Французскому произношенію. И для чего? Для того чтобы Французъ похвалилъ его и со всею грубою лестію сказалъ, что онъ говоритъ какъ природный Французъ. Но кто бываетъ сей Французъ? Часто какой нибудь мастеровой, волосочосъ, портной, торгачь, разжившійся на счетъ раззоренныхъ дворянъ; и симъ подобные, пріѣхавшіе въ Россію, прельстяся слухами возвратившихся отъ насъ съ наживомъ ихъ единозомцовъ, почитающихъ землю нашу второю для себя Мексикою. Признаюсь, пока такое подражаніе для

меня было ново, я не могъ смотрѣть безъ сердечнаго огорченія на сіе толь низкое, подлое, грубое, безстыдное и для Россіянина не простительное униженіе; кровь во мнѣ кипѣла отъ негодованія; и естьлибъ то было въ моей власти, то всѣхъ таковыхъ Русскихъ я выгналъ бы изъ отечества, яко недостойныхъ сыновъ его, такъ какъ отсѣкаютъ отъ тѣла зараженный членъ для спасенія цѣлаго. Теперь же когда силою непрестаннаго и невольнаго обхожденія такіе поступки стали для меня слишкомъ обыкновенны, то и самое негодованіе превратилося въ одно презрѣніе къ таковымъ изъ Русскихъ. Естьли случается мнѣ видѣть что нибудь подобное, то смѣхъ беретъ меня внутренно; хотя правда все какое то скорбное чувствованіе съ тайнымъ негодованіемъ къ тому примѣшивается. Сіе особливо случаестя тогда, когда видишъ такъ унижающагося предъ иностранцемъ дворянина, котораго предки украшалися лаврами побѣдъ, прославляли своими заслугами отечество, были его подпорою, и полагали все свое тщеславіе въ томъ, что они родилися Русскими.

Посмотримъ-ли мы на нѣкоторыхъ изъ матерей нашихъ? увидимъ, что и онѣ содѣлалися виновницами сего всеобщаго развращенія. Какое воспитаніе даютъ онѣ своимъ дѣтямъ? Какія правила онѣ влагаютъ въ нихъ? Какія понятія напечатлѣваютъ на слабомъ мозгу ихъ? Кого избираютъ въ помощники себѣ для воспитанія и образованія ихъ? О, стыдъ! часто самая грубая женщина, ничего незнающая, ничего несмыслящая, кромѣ навычнаго болтанія на языкѣ своемъ; не имѣющая инаго достоинства, кромѣ того, что она Француженка, бываетъ ихъ подругою, сотрудницею и наставницею дѣтей ихъ. Но отъ чего сіе происходитъ? Не уже ли отъ просвѣщенія? Нѣтъ, отъ самаго постыднаго невѣжества каково есть предубѣжденіе не въ пользу своего отечества. Естьли бы онѣ имѣли хотя малое понятіе о выгодахъ дѣтей своихъ, то безъ сомнѣнія, не были бы довольны пустымъ изученіемъ языка чужаго. Но будучи невѣжи, онѣ думаютъ что естьли научили дѣтей болтать по Французски, то уже все сдѣлали. Да и дѣйствительно, не имѣя сами во все никакихъ познаній, какъ узнать имъ о успѣхахъ дѣтей своихъ, предполагая, что

имъ преподавали бы ученіе на одномъ Рускомъ языкѣ? Самыя обыкновенныя науки, которыми въ чужихъ краяхъ украшаются благородные дѣти, неизключая изъ сего числа и дѣвушекъ, для нихъ та же тарабарская грамота. Будучи почти всѣ Простаковыми для нихъ Географія, Исторія, начальныя правила Математики (я не говорю о вышнихъ уже наукахъ и нѣкоторыхъ полезныхъ и пріятныхъ художествахъ), столь же мало понятны, какъ и послѣдней деревенской бабѣ; и потому то упираются онѣ на одинъ Французской языкъ. Тутъ и самой дуракъ разсудитъ что, когда рабенокъ сталъ говорить по Французски, слѣдственно онъ чему то научился. Далѣе сего ни умъ ни способности ихъ не простираются. По мѣрѣ же навыка въ чужомъ нарѣчіи отвыкаютъ отъ своего. Малое сего употребленіе дѣлаетъ его дикимъ, грубымъ, жесткимъ для умовъ дѣтей ихъ; а отъ того раждается въ нихъ презрѣніе къ своему языку, и желаніе усовершенствоваться во Французскомъ, къ которому уже слухъ ихъ привыкнулъ. Естественное же всего этаго слѣдствіе бываетъ то, что не зная хорошо ни того, ни другаго, они весьма не много словъ имѣютъ для своего употребленія въ разгоровахъ; и принуждены бываютъ обращаться всегда къ однимъ и тѣмъ же вещамъ, которые вчера и прежде были содержаніемъ ихъ разговора. Вотъ отъ чего не услышишъ въ ихъ бесѣдахъ ни чего другаго, чего бы ты не слыхалъ отъ нихъ и прежде; отъ сего же произходитъ и скучное единобразіе въ ихъ мнѣніяхъ и рѣчахъ; отъ того несносное ихъ болтаніе, которое тѣмъ еще докучнѣе, что напередъ уже знаешъ, что они тебѣ сказать хотятъ. Видно что пословица, про однѣ дрожди не говорятъ трожды, выдумана не въ наши пустословные времена; а тогда, когда предки наши знали какъ украшать бѣсѣды свои разнообразіемъ предмѣтовъ, входившихъ въ составленіе разговоровъ ихъ. Теперь лишъ бы болтать; а вѣдаетъ ли голова про то, о чемъ языкъ лепечетъ, до тово имъ дѣла нѣтъ. Да и какъ заняться имъ чѣмъ нибудь важнѣйшимъ? Вѣдь чтобъ умѣть хорошо объясняться, потребно имѣть нарочитое богатство словъ; а ихъ то имъ и не достаетъ: однихъ они не доучили, тѣ позабыли, о другихъ и не слыхивали, а тѣ одичали для нѣжнаго

ихъ слуха. Впрочемъ бѣдность словъ предполагаетъ равную бѣдность и въ разумѣ: ибо разумъ объемлющій довольно различныхъ предмѣтовъ, богатый самъ собою, требуетъ и много словъ къ выраженію богатыхъ его мыслей потому, что слова ни что иное суть, какъ только простые наружные знаки нашего о вещахъ понятія.

Обращаяся отъ сыновей къ дочерямъ, воспитаннымъ таковыми матерями, найдемъ тѣже недостатки, туже пустоту въ ихъ домашней жизни, увидимъ тоже презрѣніе къ полезнымъ и ихъ полъ украшающимъ знаніямъ. Нашимъ ли красавицамъ набивать голову свою такимъ вздоромъ? Не краснорѣчивы ли онѣ, не искусны ли въ оборотахъ рѣчей, когда дѣло идетъ о нарядахъ, маскерадахъ, театрахъ, магазинахъ, а не мѣшаетъ прибавить къ тому и о злословіи, которое раждается праздностію, держится скукою, служитъ приправою бесѣдъ ихъ, и придаетъ нѣкоторую живость ихъ рѣчамъ, такъ точно какъ соль придаетъ вкусъ кушанью? На семъ основываются всѣ ихъ разговоры; отсюда заимствуютъ онѣ всѣ цвѣты своего краснорѣчія и всѣ пріятности обхожденія. Но опричь сего, не спрашивай у нихъ ни чего другова; и естьли ты побывалъ у нихъ раза два, то потомъ хотя сто разъ будь, услышишь все тоже, съ нѣкоторою токмо по временамъ перемѣною, смотря по тому, какой откроется вновь магазинъ, какой пріѣхалъ новой актеръ, или актриса; или смотря, какой нещастной попался въ ихъ знакомство. У сихъ ли матерей дѣти могутъ чему нибудь полезному научиться; отъ нихъ ли передастся имъ любовь къ отечеству, о которомъ не говорятъ онѣ ни слова; а естьли и говорятъ, то вѣрно такъ, что несравненно былобъ лучше, естьли бы онѣ молчали? У сихъ ли матерей могутъ они занять что нибудь такого, что нужно для благополучія будущей ихъ жизни? Отъ сихъ ли матерей научатся они нравственности, которыхъ недостатки и даже пороки они примѣчаютъ, будучи свидѣтелями или любострастнаго ихъ обращенія, или слыша укоризны своихъ родителей, какими попрекаютъ они другъ друга? Вотъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ, которые должны пріуготовлять гражданъ для отечества. Вотъ нѣкоторое начертаніе нашего дворянскаго во-

спитанія, коего дѣйствія стали, по нещастію, ощутельны даже и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи; и противу сего то воспитанія востаетъ почтенный сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка; хотя въ книгѣ своей онъ точно и не говоритъ объ ономъ, но касаясь ему слегка болѣе обращается къ малому употребленію природнаго нарѣчія. Но то и другое течетъ отъ одного источника.

„Подобно сему и прежде восклицалъ велерѣчивый Платонъ нашъ: и такъ видимъ, сколь важно есть „сіе возложенное на родителей обязательство (во-„спитаніе). Но въ нынѣшнія нещастливыя време-„на малое о томъ видимъ радѣніе: или и есть ра-„дѣніе, но въ томъ, что едва ли не къ большему „служитъ развращенію. Повѣряемъ любезный свой „залогъ людямъ неизвѣстнымъ, пришельцамъ, ни „какихъ въ себѣ слѣдовъ честности не имѣющимъ, „которые сами или избѣжали наказанія, или испра-„вляемы быть долженствуютъ. Но пусть бы они „были и честные люди: но чему обучаемъ? Гово-„рить иностранными языки, плясанію, какъ обра-„щать мечь, чтобъ въ случаѣ страстнаго жара „могъ его употребить на пронзеніе другаго. А обу-„ченіе закона гдѣ? А изъясненіе существенныхъ по-„нятій добра и зла гдѣ? А выразумѣніе настоящаго „человѣческаго благополучія и нещастія гдѣ? Сіе „представляемъ судьбѣ.

„Но когда уже съ сей стороны дѣти остаются „безпомощными то по крайней мѣрѣ въ домашнемъ „родителей своихъ поведеніи находятъ они добрый „для себя примѣръ. Они во внутреннихъ своихъ „обиталищахъ благоговѣйны, воздержны, честны. „Ихъ бесѣда благоухаетъ разговорами о благоразу-„мномъ хозяйствѣ, о содержаніи слугъ въ порядкѣ, „о употребленіи имѣнія на добрыя и полезныя дѣ-„ла, о сохраненіи правосудія, о истинной храбро-„брости, о благодѣтельствѣ другимъ, о удаленіи „отъ роскоши и праздности, о прилѣжномъ долж-„ности исправленіи. Таковыя бесѣды есть школа „нравоученія: и наши предки въ семъ то внутрен-„немъ училищѣ обучалися, не требуя пришлецовъ „опасной помощи, и были добрые Христіане, и че-„стные Граждане.

„Но школа разливающагося тлѣнія и самыя наши

„домы, самыя ложницы заразила. Что мы здѣсь увидимъ? что услышимъ? Видимъ роскошь безпредѣльную, праздность всегдашнюю, ревнованіе, какъ „одному другаго превзойти въ мотовствѣ: видимъ „домъ всегдашними молитвами не освящаемый, при„зываніемъ имени Б. жія не благословляемый. Слы„шимъ разговоры безбожіемъ смердящіе. А когда „дѣти не видятъ насъ въ домахъ, гдѣ находятся? „Въ церкви? въ судилищѣ? Въ Соборѣ добродѣтель„ныхъ? ни какъ: а гдѣ? На зрѣлищахъ, на конскихъ „ристаніяхъ; или охотахъ, въ зборищахъ нещасті„емъ прикрытыхъ и подозрительныхъ. И такъ „порча преходитъ изъ рода въ родъ безъ удерж„нымъ теченіемъ.

„Да возчувствуемъ сіе наше нещастливое поло„женіе; да убоимся наказанія которое мы себѣ пpi„уготовляемъ въ развращеніи дѣтей. Да попечемся „о ихъ и своей благополучной жизни.„ (См. поучительныя слова Платона 1777 года Февраля 2 дня.

Дѣйствительно можно сказать съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что многія упущенія при воспитаніи, имѣющія потомъ худыя послѣдствія; произходятъ отъ презрѣнія къ отечественному языку питаемаго: такъ какъ напротивъ того прилѣпленіе къ нему укрѣпляетъ любовь къ землѣ своей, и бываетъ причиною многихъ другихъ гражданскихъ добродѣтелей. Когда ученіе природнаго слова пренебрегается, тогда искуство свободно и пріятно на немъ объясняться пропадаетъ; отвычка отъ него производитъ трудность; трудность располагаетъ къ отвращенію, а сіе къ неупражненію; неупражненіе причиняетъ скуку, а скука въ свою очередь, выгоняетъ насъ изъ дому, и заставляетъ въ шумѣ забавъ и не прерывныхъ утѣхахъ искать облегченія душѣ своей. Мало по малу мы дѣлаемся страстными ко всякаго роду забавамъ. Ослабивъ нравственность, мы преклоняемся къ разврату; потерявъ непорочность, мы дѣлаемся распутными. Всего этаго мы избѣгнули бы, когда бы умѣли заниматься у себя въ комнатѣ; но что бы умѣть чѣмъ нибудь заняться, то для сего потребно знаніе языка природнаго. Владѣя имъ съ довольнымъ искуствомъ, всякое свободное отъ должности, или домашнихъ заботъ время, мы посвящали бы на усовершенствованіе себя въ немъ, чтобъ облегчить пути къ другимъ нау-

камъ, и наполнить часы свои столь невинными и пріятными упражненіями. За недостаткомъ же сего, мы болтаемъ по Французски, и пишемъ на немъ также предпочтительно предъ своимъ: но какъ мы пишемъ? Десятилѣтній рабенокъ, выросшій во Франціи, безсомнѣнія, напишетъ глаже и чище; льзя ли однако рабенка сего почесть знатокомъ языка? Конечно нѣтъ; изключая весьма не большаго числа детей отличающихся въ такіе лѣта своими дарованіями, всѣ другіе, что не написали бы, написалибъ весьма слабо и не правильно. Чѣмъ же станемъ мы теперь гордиться? Мы пишемъ по Французски, и думаемъ, что пишемъ превосходно, или, по крайней мѣрѣ, хорошо. Безумные мы слѣпцы, кто намъ въ этомъ повѣритъ, кромѣ такихъ же безумцевъ? Кто на своемъ языкѣ не умѣетъ писать складно, тотъ ли что напишетъ хорошо на чужомъ? Самые величайшіе умы учатся по цѣлому вѣку своему природному нарѣчію, и со всѣмъ тѣмъ дѣлаютъ иногда грубыя ошибки, тогда какъ слухъ ихъ непрестанно имъ поражается и привыкаетъ ко всѣмъ оборотамъ и тонкой разборчивости онаго. Что же заключить о письмахъ нашихъ на чужомъ языкѣ? И естьли бы по нещастію то не было на самомъ дѣлѣ, то кто бы могъ повѣрить, что мы не на шутку думаемъ, что можемъ прекрасно сочинять на немъ? Обкрадывая всѣхъ Французскихъ сочинителей, мы употребляемъ ихъ слова и выраженія, какъ говорится ни къ селу, ни къ городу; и марая бумагу, воображаемъ себя быть маленькими Волтерами и Жанъ-Жаками: но благоразумный иностранецъ видитъ только ворону въ чужихъ перьяхъ. Мнѣ удавалось слышать нѣкоторыхъ изъ моихъ соотечественниковъ, не выѣзжавшихъ никогда изъ Россіи, что они намѣривалися писать цѣлыя книги на языкѣ Французскомъ, и печатать ихъ во Франціи; надобно прибавить, что они были совершенно увѣрены въ томъ, что хорошо написали бы, хотя весьма плохое имѣли понятіе о своемъ, выключая нѣкотораго навыка объясняться на немъ съ довольною свободою. Что сказать на сіе? Что иное, кромѣ презрѣнія. Чѣмъ извинить сіе, какъ не помѣшательствомъ на языкахъ иностранныхъ? . . .

Такъ я повторяю, что не упражненіе въ своемъ

языкѣ есть уже начало растущихъ страстей, которыя въ послѣдствіи причиняютъ большую часть тѣхъ гибелей, которыми царства потрясаются: ибо всякое такое неупражненіе показываетъ нашу холодность къ странѣ своей и къ ея выгодамъ. Но не холодностію чувствій цвѣтетъ отечество, ниже равнодушіемъ къ нему гражданъ возносится и благоденствуетъ. И такъ, кто говоритъ о любви къ отечеству, а предпочитаетъ чужой языкъ своему природному, тотъ лжетъ. Кто выхваляетъ, защищаетъ языкъ свой, и говоритъ, что онъ его любитъ, а больше объясняется на иностранномъ, тотъ лжетъ, и не любитъ ни языка своего, ни отечества: ибо любить отечество безъ любленія языка своего, и любить языкъ свой безъ употребленія его, также правдоподобно какъ и то, когда бы кто захотѣлъ увѣрять, что тѣло можетъ жить безъ души. Кто выдаетъ себя за любителя отечества и ревнителя его выгодъ и просвѣщенія, а окружаетъ себя иностранцами, также лжетъ; поступки его изобличаютъ во лжи языкъ его. Вѣра и любовь отъ дѣлъ познаются. Кто одобряетъ иностранцевъ подъ видомъ пользъ своего отечества, пребывая хладнокровнымъ къ дарованіямъ своихъ согражданъ, явно свидѣтельствуетъ, что онъ не любитъ отечества прямымъ сердцемъ истиннаго гражданина; или, показываетъ тѣмъ, что онъ до того уже невѣжа, что не знаетъ въ чемъ состоитъ и любовь къ отечеству. Любящіе не притворно свое отечество со всѣмъ иначе поступаютъ. Любовь сія блистаетъ въ глазахъ ихъ, дышетъ ихъ устами, передается съ каждымъ словомъ, обнаруживается въ каждомъ ихъ поступкѣ; каждый шагъ ихъ и всякое движеніе показываетъ, что они одушевлены, движутся ею; всѣ ихъ мысли погружены въ нее; всѣ ихъ заботы и попеченія обращены къ ней; весь ихъ разумъ вперенъ въ нее; всѣ ихъ предпріятія имѣютъ ее цѣлію, концемъ и опорою. Словомъ вся знаменитость дѣлъ, имени и жизни ихъ ею только красны, обширны, велики, свѣтлы, торжественны и безсмертны. Сіи люди не токмо не чуждаются языка своего, но предпочитаютъ его всякому другому на свѣтѣ, хотя бы и дѣйствительно онъ былъ грубъ и бѣденъ, а тотъ

согласенъ, пріятенъ, богатъ и сладкозвученъ. Они потщилися бы его сравнять съ нимъ, а не презирать его. Для людей сего рода не токмо ихъ отечество, языкъ и народъ священны, но и самыя народныя обычаи, и даже предразсудки. Любя славу земли своей, они не то себѣ въ достоинство вмѣняютъ, что могутъ бросить свободно ни чего незначущую часть отъ своихъ доходовъ чоловѣку съ дарованіями, но что имѣли щастіе отыскать его и быть ему полезными. Такъ мыслили и мыслятъ не только знаменитые вельможи, но и Государи. Нельзя ли взыскивать и ободрять дарованія не любя языка своего? Безсомнѣнія нѣтъ. Мы и теперь видимъ людей богатыхъ, которые оказываютъ себя покровителями питомцевъ Музъ; но сіе дѣлаютъ они не столько по любви къ наукамъ и отечеству, сколько ради стыда быть уже во все бездѣйственными на ихъ видной степени. А отъ того то средства ими къ тому употребляемыя суть столь же неудачны, колико не чистосердечны ихъ поступки. Молодой художникъ, или любитель наукъ, выходитъ отъ нихъ съ тою же робостію, съ какою и вошелъ къ нимъ. Получаемыя отъ нихъ ласки производятъ въ немъ нѣкоторую мгновенную радость; но сія радость оставляетъ его при выходѣ изъ чертога: ибо она не принесла ему вмѣстѣ съ собою того утѣшенія, какое чувствуютъ при ободреніи таланта; но была послѣдствіемъ бѣдности, восхищенной ласками барина. То не Меценатъ ободрялъ дарованія, но вельможа снисходилъ къ бѣдности: И отъ того то сколько бы разъ бѣднякъ ни приходилъ къ тому вельможѣ, всегда будетъ таже робость сопровождать его къ нему. На противъ того человѣкъ съ дарованіями всякой разъ когда приходитъ къ истинному Меценату, оставляетъ мало по малу свою робость; довѣріе входитъ въ его сердце; свобода и благопристойность соединяютъ ихъ взаимно; нѣкая дружеская бесѣда укрѣпляетъ ихъ союзы, украшаетъ ихъ разумы и преплетаетъ цвѣтами утѣхъ часы ихъ жизни. Тако сначала малыя и робкія способности становятся обширными дарованіями; а сіи образуютъ потомъ тѣ великіе умы, которые составляютъ славу народа, украшеніе человѣчества, и честь ихъ покровителей. Однако все сіе не дѣлается безъ знанія и

любви къ языку своему. Одно только знаніе и любовь сія могутъ творить судей разборчивыхъ. Не отъ не знанія ли и равнодушія къ языку своему бываетъ, что вельможи, ради стыда уже показывая себя покровителями юныхъ талантовъ, покровительствуютъ имъ безъ всякаго разбора и искусства. Имъ лишъ бы покровительствовать, а какъ и кого до того имъ нужды нѣтъ. Но человѣкъ съ прямыми достоинствами рѣдко получаетъ входъ въ ихъ палаты: стыдяся домогаться того чрезъ ихъ грубыхъ и подлыхъ прислужниковъ, онъ остается въ безвѣстности и томленіи бѣдности, теряетъ лучшее свое время въ скудости и неимѣя способовъ умножить свои познанія, умираетъ безъ всякой пользы своему отечеству, снося съ собою во гробъ прискорбное чувствованіе, что и талантамъ потребно слѣпое щастіе. Вельможа мнящій полагать все свое достоинство въ знати и богатствѣ, устраняетъ отъ себя дѣйствительныя дарованія, а окружается людьми, коихъ весь умъ состоитъ въ томъ, чтобъ угождать его прихотямъ, славолюбію, и умѣть безъ мѣры льстить ему. Они другъ друга достойны. Но имѣй вельможа истинную любовь къ своему отечеству и къ его славѣ; онъ станетъ тогда любить и языкъ свой; плѣняться имъ; преимущественно предъ другими говорить на немъ; подавать собою благородный примѣръ послѣдовать ему; и естьли бы научался онъ другому языку, то развѣ въ томъ намѣреніи, дабы узнать красоты онаго, а съ тѣмъ и то, что не достаетъ его словесности, и стараться обогатить ее. Такъ только дѣйствуя можно находить вѣрныя способы къ ободренію юныхъ дарованій своихъ соотечественниковъ. Уваженіе къ самому себѣ, какъ въ частномъ человѣкѣ такъ и въ цѣломъ народѣ, раждаетъ дѣла великія. Гдѣ нѣтъ сей добродѣтели, тамъ ни чего не можетъ сдѣлаться, что бы достойно было передать вѣкамъ и потомству. Но я не могу довольно часто повторять того, что все сіе не можетъ сдѣлаться безъ любви къ языку своему, сея души народа и отечества.

Но не всѣ еще приведены здѣсь мною причины упадка языка нашего. Не одно домашнее, но равно и общественное воспитаніе къ тому у насъ спо-

собствуетъ. Не довольно того, что по всей Россіи разсѣянные иностранцы пріучаютъ нашъ слухъ къ языку своему, наше понятіе къ образу ихъ мыслей, и располагаютъ умы наши къ предпочтенію нарѣчія ихъ своему природному; мы имѣемъ множество еще общенародныхъ училищъ, ими заведенныхъ, гдѣ лучшее наше дворянство воспитывается по образцу иностранцевъ. Въ сихъ злобѣдственныхъ для Россіи училищахъ, дѣти, будучи окружены иностранцами, перестаютъ сами быть настоящими Русскими, и выростаютъ ко вреду своего отечества. Пагубныя слѣдствія такого воспитанія, по не щастію, стали слишкомъ очевидны, и я не думаю, чтобы кто нибудь усумнился въ истиннѣ словъ сихъ; исключая, можетъ быть, сихъ самихъ полу Русскихъ, которые должны уже ради стыда своего не признавать онаго. Такимъ-то образомъ отнимая сами у себя гражданъ своихъ, обращеніемъ Русскихъ въ не Русскихъ, мы умножаемъ число иностранцевъ, вмѣсто того, чтобы надлежало еще обращать иностранцевъ въ Россіянъ, и всѣми образы стараться усыновлять, привязывать къ землѣ нашей, заставить ихъ полюбить и народъ нашъ, и языкъ, и обычай; словомъ надлежало бы употребить всѣ средства, чтобы сдѣлать ихъ Русскими. Сего, кажется, требуетъ самое искуство правленія; и симъ только образомъ Римляне содѣлалися могущественными и сильными. Россія и безъ того по обширности предѣловъ своихъ малолюдна; а особливо естьли принять въ разсужденіе всѣ различные, составляющіе ее народы, изъ которыхъ толикое еще число, по всей справедливости, необразованными именоваться могутъ: слѣдственно самая нужда научаетъ насъ, сколь полезно всякое пріумноженіе новыхъ гражданъ. И хотя около ста лѣтъ мы обладаемъ нѣкоторыми нѣмецкими племенами, но поѣзжайте въ области, ими обитаемыя, вы повсюду увидите презрѣніе ихъ къ языку нашему. Виною сему, можетъ быть, терпимость и снисхожденіе нашего правительства, во всякое время отличавшагося сими добродѣтелями. Но тамъ надлежитъ быть концу кротости и терпимости, гдѣ ихъ продолженіе можетъ обратиться къ собственному вреду своему.

Не станемъ мстить ни Шведамъ, ни Полякамъ за всѣ нанесенныя ими раны нашему отечеству, за

кровь сограждан̃ъ нашихъ рѣками пролiянную, за ужасное разхищенiе и выжженiе городовъ и селъ нашихъ, за избiенiе народовъ; не станемъ говорю я, хотя тѣни предковъ нашихъ вопiютъ къ намъ объ отмщенiи; но не будемъ, по крайней мѣрѣ, виновны противу нашихъ потомковъ; не оставимъ средствъ къ предупрежденiю новыхъ бѣдъ; ибо судьбы царствъ также непостоянны какъ и людей, и никогда не должно дремать въ щастiи. Когда прежде право сильнаго было на сторонѣ Шведовъ и Поляковъ, они позволяли себѣ всѣ неслыханныя жестокости въ разсужденiи побѣжденныхъ своихъ: но нынѣ, когда единодушiемъ и мужествомъ нашимъ, сiе право перешло къ намъ, то не платя имъ тѣми же варварствами, приложимъ, да и всякое благоразумiе сего требуетъ, все свое старанiе къ истребленiю не народовъ, не городовъ ихъ и селъ, но ихъ нарѣчiя. Ни какой мудрецъ не можетъ охуждать сего. Ни какой правитель не долженъ упускать сего изъ виду. Сiе одно можетъ предохранить Государство отъ многихъ горестныхъ для него послѣдствiй; а можетъ быть и отъ конечнаго паденiя, могущаго произойти отъ раздѣленiя народовъ, управляемыхъ не однимъ языкомъ, и слѣдственно не однимъ разумомъ, а посему и не одинакими выгодами. Тѣло имѣетъ одну душу; такъ и государство должно имѣть одинъ языкъ. На сей конецъ, для чего бы и давно не завести было въ покоренныхъ земляхъ Русскихъ училищъ, чтобъ Русской языкъ и тамъ господствовалъ? Для чего бы не учредить было такъ, чтобы ни кто изъ иностранцевъ, побѣжденныхъ Россiйскимъ оружiемъ, не былъ принятъ въ службу, естьли онъ не будетъ знать по Русски? Для чего не употребить къ тому всѣхъ пружинъ славолюбiя, чести, и самаго прибытка? Мнѣ случалось слышать Русскихъ офицеровъ, которые, будучи уже въ совершенныхъ лѣтахъ, хотѣли учиться по нѣмецки единственно для того, что служа въ одномъ полку съ нѣмецкими Офицерами, они скучали не разумѣя ихъ тогда, когда имѣли съ ними ежеминутныя, неминуемыя по должности сношенiя. Но не сходнѣе-ли бы первымъ было учиться по Русски, чтобы умѣть говорить съ Русскими по Русски? Естьли они почитаютъ себя сынами Россiи, то для чего не стараются они и говорить такимъ язы-

комъ, какимъ говоритъ большая часть прямыхъ сыновъ ея?

Время обратить вниманіе на сію толь важную часть нашего воспитанія. Время, повторяю, дабы не было уже поздно, когда бы обстоятельства принудили насъ и по не волѣ на сіе оглянуться. Милость къ побѣжденнымъ хороша и похвальна; и въ разсужденіи сего они лишь похвалятся должны нашимъ правительствомъ, не отличающимъ ихъ ни мало отъ побѣдителей. Они имѣютъ одинакія съ нами права, и пути къ благополучію. Чего-же имъ еще болѣе? Какой народъ, выключая во всемъ безприкладныхъ Россіянъ, какъ въ мужествѣ такъ и въ снисхожденіи, толь далеко простиралъ милосердіе свое къ побѣжденнымъ, коимъ остается быть только благодарными, чтобъ не заставить когда нибудь великодушнаго правителя Россіи произнести сіе горестное изрѣченіе:

"И часто милости дороги ко вреду.

Особливо нужно отнять у иностранцевъ право содержать въ Россіи общественныя училища. Не говоря о томъ, что Россіяне забываютъ въ нихъ языкъ свой, и выходя оттуда съ достаточнымъ познаніемъ языковъ иностранныхъ, не рѣдко принуждены бываютъ, при вступленіи въ службу, нанимать студентовъ сочинять имъ бумаги, требуемыя отъ нихъ по службѣ: но и самое развращеніе въ нравахъ тамъ-же начинается. Я пишу сіе по долговременномъ и прилѣжномъ вниканіи въ сіе дѣло. Приласкавъ иногда къ себѣ учениковъ изъ таковыхъ иностранныхъ, для Россійскаго дворянства устроенныхъ, училищъ, я извлекалъ изъ нихъ разными разговорами все то, чего ревность моя къ отечеству домогалась. Въ полной ко мнѣ довѣренности, и не видя во мнѣ суровости, они свободно мнѣ разсказывали о всемъ томъ, что у нихъ ни дѣлалося, и во всемъ ими сказанномъ я примѣчалъ одно непослушаніе, своевольство, дерзость и буйство, сихъ началъ всякаго развращенія и неустройства въ Государствѣ. Сіе самое подало мнѣ поводъ къ размышленію; я хотѣлъ узнать причину всѣхъ таковыхъ безпорядковъ, и самое дѣло наставило меня. О! какъ часто люди отъ того только заблуждаютъ, что не хотятъ ни мало подумать о томъ, что ихъ вводитъ въ таковое за-

блужденіе. И какъ часто малѣйшее разсужденіе могло бы имъ показать ихъ предразсудки, и облегчить путь къ благополучію. . . . Такъ, любовь къ отечеству заставила меня вникнуть въ начало худаго воспитанія, какое дается ученикамъ въ сихъ частныхъ школахъ; а размышленіе указало оное.

Не говоря о томъ, что большая часть иностранцевъ, содержащихъ сіи училища, при совершенномъ невѣжествѣ въ наукахъ, бываютъ нравовъ подозрительныхъ и худаго поведенія, спросимъ, что заставляетъ ихъ заводить оныя? Не корысть-ли? И не для того ли пріѣзжаютъ они въ Россію, чтобы нажиться? Но при такомъ расположеніи ихъ мыслей, могутъ-ли они рачить о поведеніи своихъ воспитанниковъ? Отнюдъ нѣтъ. Чтобъ быть рачительну, надобно взыскивать; всякое взысканіе ведетъ къ нѣкоторой строгости; строгость къ принужденію, а принужденіе становится бременемъ, и тягостно дѣтямъ. Но что тягостно дѣтямъ, то не можетъ не быть непріятно ихъ родителямъ. Въ свободной участи не охотно сносятъ такую тягость; и достаточные родители не потерпятъ, чтобъ дѣти ихъ содержались въ такомъ принужденіи: ибо благоразуміе рѣдко встрѣчается съ богатствомъ. Изъ сего явствуетъ, что для привлеченія къ себѣ большаго числа учениковъ, послабленіе необходимо, а всякое послабленіе не къ добру ведетъ: однако такое послабленіе нужно стало, и иностранцы легко согласилися угождать прихотямъ отцевъ и матерей своихъ воспитанниковъ. Какая нужда имъ, что худыя послѣдствія отъ того произойти могутъ? Дѣти чуждой имъ земли могутъ ли внушать въ нихъ то участіе, какое пріемлютъ просвѣщенные наставники въ образованіи юныхъ гражданъ своихъ, въ которыхъ видятъ они подпору, честь и славу своего отечества? Виды ли корысти могутъ подвигнуть на толь высокое дѣло, а особливо такого человѣка, котораго ни какія узы не связываютъ съ землею для него по всѣмъ отношеніямъ новою? Сего дни онъ въ ней, а на завтра навсегда ее оставляетъ; и не имѣя ни малой къ ней привязанности, сыновъ-ли ее любить станетъ? Гдѣ же нѣтъ любви, можетъ-ли тамъ быть раченіе, а безъ раченія можетъ-ли быть хорошее, прочное воспитаніе? О, Россіяне! о! мои соотечественники, долго ли

намъ быть въ семъ толико пагубномъ для насъ самихъ и для отечества заблужденіи? Почто не соединяю я въ себѣ всѣхъ дарованій величайшихъ писателей; или по что даръ мой не отвѣчаетъ моему рвенію быть вамъ полезнымъ! Не для славолюбія алчу сего; но единственно для того, дабы собравъ во едино всѣ лучи умовъ ихъ, озарить васъ; и соединя всю силу ихъ вѣщаній, убѣдить васъ по мѣрѣ того, какъ истинна стала бы къ вашему сердцу ближе. Такъ, иностранцы, продолжаю я, не должны быть воспитателями дѣтей вашихъ, сихъ драгоцѣннѣйшихъ залоговъ вашей вѣрности, которою вы связаны, и которою должны и клялися отечеству. Чего вы отъ нихъ надѣятеся? Чего ожидаете? Не благо дѣтей вашихъ, а тѣмъ менѣе чуждаго имъ отечества, лежитъ у нихъ на сердцѣ, но ваши деньги; для нихъ они пріѣхали, для нихъ работаютъ они, угождаютъ вамъ. Пріѣхавъ изъ далека и оставивъ свое отечество, пожелаютъ ли они потерять всѣ свои надежды чрезъ строгое воспитаніе дѣтей вашихъ, чрезъ представленіе вамъ справедливыхъ причинъ, которыя такъ часто возмущаютъ родительскую нѣжность даже и тогда, когда и просвѣщеніе соединено съ нею? Когда же они принуждены дѣлать вамъ сноровку и потакать вашимъ дѣтямъ, то какихъ плодовъ должны вы надѣяться отъ ихъ воспитанія? А иначе сему и быть не можно. Корысть и польза ихъ требуютъ, чтобы они снисходили вашимъ слабостямъ, толико извинительнымъ хотя и опаснымъ, въ сердцахъ родителей. Но снисходя вамъ, они угождаютъ и послабляютъ вашимъ дѣтямъ, которые скинули бы съ себя своевольство ихъ подавляющее ярмо принужденія, естьли бы не боялися огорчить васъ. Но и въ семъ случаѣ, живое и непрестанно работающее и чрезъ то изощряющееся ихъ воображеніе, толико неистощимое на выдумки въ ихъ лѣты, не оставляетъ ихъ. Множество средствъ представляются имъ къ уловленію васъ своими ласками и оказанію своимъ учителямъ непослушанія; да и самая невинность возраста ихъ къ тому имъ способствуетъ. И естьли они знаютъ когда употреблять въ свою пользу родительскую горячность, то знаютъ также и тѣ минуты, когда они могутъ удобнѣе раздражать безнаказанно своихъ учителей, и мстить имъ непо-

слушаніемъ за получаемыя отъ нихъ огорченія. Они весьма знаютъ, когда сводить одно время съ другимъ; когда имъ броситься въ объятія отца или матери осыпая ихъ своими нѣжными ласками, и на персяхъ у нихъ, при ежеминутномъ ихъ лобызаніи, взирать съ коварностію на безгласныхъ своихъ наставниковъ. Въ семъ то случаѣ можно сказать, что лоно родителей дѣлается гнѣздилищемъ пороковъ дѣтей ихъ. Къ сказанному выше прибавьте еще незнаніе иностранца языка нашего, что дѣти также не оставляютъ безъ того, чтобы тѣмъ не возпользоваться. Прежде чемъ иностранный учитель придетъ жаловаться, ученикъ его успѣетъ уже забѣжать къ своей матери, успѣетъ приголубить ее, плѣнить своими нѣжностями, утѣшить своей болтливостію. Пусть въ сіи минуты приходитъ учитель; онъ долженъ будетъ или нарушить толь сладкое для матери положеніе, или молчать. Напрасно сталъ бы говорить онъ; естьли мать не разумѣетъ по Французски, или и разумѣетъ да худо, то она не вездѣ пойметъ его; а сынъ успѣетъ заговорить своего учителя. Да хотя бы она и знала языкъ иностранный, то что помогло бы это иностранцу, не разумѣющему того языка, на которомъ онъ обвиняется, и еще предъ такимъ судьею, какова есть мать, и въ такія минуты когда кровь говоритъ и природа торжествуетъ? Всѣ сіи причины вмѣстѣ съ видами нажива, побуждаютъ иностранца, не токмо попускать своевольству дѣтей богатыхъ отцевъ, но льстить ихъ слабостямъ, пріобрѣтать себѣ ихъ довѣренность, и сообща съ ними обманывать ихъ родителей и тѣмъ утверждать свое мѣсто. Изъ таковыхъ-то учителей и наставниковъ, изъ таковыхъ то учениковъ состоятъ почти всѣ наши частныя и домашнія дворянскія училища. Въ нихъ-то найдете вы все, что своевольство имѣетъ худаго и позорнаго. Отъ туда выходятъ люди умовъ безпокойныхъ, не имѣющіе ни прочныхъ познаній, ни твердыхъ правилъ нравственности, ни прямой любви къ отечеству, ни прилѣпленія къ вѣрѣ: ибо воспиталися тѣми, кои пользуяся гостепріимствомъ принявшаго ихъ народа, употребили права гостепріимства на внушеніе буйныхъ своихъ мнѣній; научалися тѣми, кои часто будучи сами невоспитаны и изъ подлаго состоянія,

были только развратителями ввѣреннаго имъ юношества; наставлялися тѣми, кои почитали нравственность пустою привычкою, любовь къ отечеству предразсудкомъ, а вѣру мечтою. Въ сихъ-то училищахъ увидите вы всѣ добродѣтели ложными; тамъ научаются много говорить о нихъ, но никогда не исполнять. Отъ того-то въ наше время толь великое число владѣльцевъ, кои твердятъ непрестанно о человѣчествѣ, а угнетаютъ безчеловѣчно крестьянъ своихъ; гнушаются рабствомъ, а выводятъ ихъ на торжища, или проматываютъ и проигрываютъ цѣлыя имѣнія, можетъ быть кровію, или смертію, или трудолюбіемъ ихъ предковъ пріобрѣтенныя. Отъ того многіе восхищаются у насъ нравственностію, но въ то же время предаются безъ всякаго стыда разврату и порокамъ; и говоря о любви со всею страстію и нѣжностію, рыщутъ отъ одной непотребной дѣвки къ другой и смердятъ съ ними въ ихъ объятіяхъ. Что-же скажу о любви къ отечеству? Въ разсужденіи сей добродѣтели, большая часть изъ нихъ бываетъ не столь притворна, и ругаясь своими предками, явно показываетъ презрѣніе къ своей родинѣ. Такую-же участь имѣетъ и природный языкъ ихъ; и никакое благоразумное разсужденіе въ пользу его сказанное просвѣщеннымъ и добродѣтельнымъ гражданиномъ ихъ, не сильно не токмо истребить, но ниже ослабить въ умѣ ихъ того нелѣпаго на счетъ ихъ отечественнаго языка мнѣнія, какое внушилъ имъ иностранный ихъ учитель, часто толико-же несмысленный, дерзскій и развратный, колико подло предъ тѣмъ было его званіе, изъ коего извлекло его одно легкомысліе Русскихъ. (1)

Дѣйствительно, что большая часть иностранцевъ, воспитывающихъ у насъ юношество въ заведенныхъ ими училищахъ, или въ дворянскихъ домахъ, составлена изъ побродягъ и невѣжъ, въ томъ ссылаюся на самихъ иностранцевъ, которые будучи воспитаны, просвѣщены и благонравны, стыдятся своихъ единоземцевъ занимающихъ съ ними равныя мѣста по тому только праву, что говорятъ однимъ языкомъ; сіи иностранцы удивляются нашему заблужденію, и будучи благодарны за данное имъ у насъ гостепріимство, столько еще скромны,

что вмѣсто того, чтобы называть насъ за таковыя поступки невѣжами, какъ мы сего и заслуживаемъ въ семъ случаѣ, относятъ оное къ нашему добродушію; и не укоряя, жалѣютъ о насъ. (2)

„Прилѣжаніе Римлянъ, говоритъ Роленъ, съ какимъ они обучалися языку своему, наставляетъ и насъ, какимъ образомъ должны мы научаться своему собственному. Дѣти ихъ пріучались отъ колыбели къ чистотѣ языка. Сіе попеченіе почиталось у нихъ первою и самою существенною обязанностію послѣ нравовъ. Оно особенно возлагалось на самихъ матерей, кормилицъ и служителей. Имъ поручалося, колико возможно остерегаться отъ того, чтобы въ присутствіи дѣтей не вырывались у нихъ выраженія или слова съ неправильнымъ удареніемъ, опасаясь, что бы первыя сіи впечатлѣнія не произвели въ нихъ заматерѣлой привычки, отъ которой въ послѣдствіи они отстать уже не въ силахъ будутъ.„

„Римляне, а особливо во времена республики, вмѣнили бы себѣ въ безчестіе и уничиженіе, естьли бы они стали съ чужеземными народами производить переговоры не на языкѣ Латинскомъ, хотя бы то было въ Римѣ или въ провинціяхъ. Плутархъ въ жизни Катона Ценсора повѣствуетъ о немъ, что будучи посланъ республикою къ Афинянамъ, онъ долгомъ почелъ говорить съ ними на языкѣ Латинскомъ, хотя и зналъ превосходно по Гречески. Да и Цицеронъ не остался безъ упрека за то, что будучи въ Греціи онъ говорилъ въ собраніи по Гречески. Однако Павелъ Емилій говорилъ на семъ языкѣ съ царемъ Персеемъ, что сдѣлалъ онъ, можетъ быть, изъ уваженія къ его Сану, а и того болѣе къ нещастному его положенію.„

Потомъ обращаяся къ языку Французскому онъ укоряетъ своихъ соотечественниковъ въ маломъ къ нему прилѣжаніи, и относитъ сіе къ недостатку ихъ воспитанія.

„Римляне, говоритъ Джибонъ, были такъ увѣрены въ дѣйствіи языка на нравы народные, что они почитали за самое важное дѣло, при успѣхахъ своего оружія, пещися о введеніи въ употребленіе языка Латинскаго. Древнія нарѣчія Италіи, какъ то Сабинянъ, Етрусковъ и Венеціанъ пришли въ забве-

ніе. ЯзыкЪ ВиргиліевЪ и ЦицероновЪ, хотя сЪ нѣкоторымЪ неминуемымЪ поврежденіемЪ отЪ смѣшенія, сдѣлался столь общимЪ, что нарѣчіе Пуническое или Цельтическое едва могло сохраниться токмо вЪ горахЪ, или между крестьянами. СЪ воспитаніемЪ и ученіемЪ природные жители тѣхЪ странЪ мало по малу получали и чувствованія РимлянЪ, и Италія надѣляла Латинскія свои области какЪ своими обычаями, такЪ и законами . . . . . (*) ТакЪ поступали Римляне какЪ во времена своего народоправленія такЪ и самодержавнаго состоянія. ОтЪ народа перешелЪ сей духЪ самовластительства кЪ ихЪ ГосударямЪ. Римляне хотѣли всегда царствовать какЪ силою своего оружія, такЪ и властію языка своего и обычаевЪ. Однако должно замѣтить, что и Римляне имѣли такой промежутокЪ, когда чужеземный языкЪ предпочитался у нихЪ отечественому; но за то сіе время не есть и лучшее вЪ ихЪ исторіи. Тогда Римляне переставали быть Римлянами. Изобиліе и роскошь, вкравшіеся кЪ нимЪ сЪ распространеніемЪ ихЪ завоеваній, ослабили строгіе ихЪ нравы, и потрясли основаніе гражданскихЪ законовЪ. Гордые до того времени Римляне склонили лавроносную главу свою предЪ побѣжденными; и торжествуя надЪ ними оружіемЪ, побѣждались сами ихЪ языкомЪ и обычаями. Но сЪ упадкомЪ языка ихЪ послѣдовало падёніе ихЪ добродѣтелей, а за сими и самой ихЪ свободы. ВЪ сіе время предпочтеніе Греческаго языка Римскому сдѣлалось явно. Кесарь не взирая на нѣкое противу АфинянЪ внутренное негодованіе покровительствовалЪ имЪ (3). Наслѣдовавшіе по немЪ Государи наслѣдовали ему и вЪ его намѣреніяхЪ. АвгустЪ, любитель и покровитель наукЪ и художествЪ, удостоилЪ Афины особеннаго своего покровительства. Клавдій превзошелЪ вЪ томЪ и самаго Августа. Будучи вЪ одинЪ день вЪ Сенатѣ когда избирались для Ахаи преторы: *я препоручаю вамЪ сію область, сказалЪ онЪ присудствовавшимЪ СенаторамЪ; она весьма мнѣ драгоцѣнна ради непрестаннаго моего прилѣжанія кЪ греческой словесности*

(*) См. The History off the decline and fall of the Roman Empire, by Ed. Gibon. T. I.

Даже Неронъ отличалъ Афины: хотя царствованіе его и не было таково, чтобы процвѣтать наукамъ. Достойно замѣтить, что своенравные тираны, подъ желѣзнымъ коихъ жезломъ все преклоняется долу, не могутъ быть покровителями наукъ, даже и тогда, когда благопріятствуютъ имъ. Глубокое молчаніе, къ коему въ грозное ихъ царствованіе принуждаются всѣ граждане, не можетъ способствовать распространенію наукъ. И потому то въ правленіе Нерона знаменитые въ Греціи школы пришли въ упадокъ, а за ними и всѣ другія бывшія не столь знаменитыми. Жаръ къ познаніямъ въ Афинахъ простылъ, и всеобщее равнодушіе къ наукамъ стало повсемѣстно. Въ царствованіе только Антонина Афины процвѣли снова съ полученіемъ прежнихъ правъ своихъ и дарованныхъ преимуществъ ученымъ людямъ. Торжественное однако преимущество сіе, оказываемое Римскими Императорами Греческой словесности, не могло не поселить въ Римлянахъ охоты упражняться въ языкѣ Греческомъ, а чрезъ то отклонить ихъ отъ упражненія въ своемъ природномъ: ибо предпочтеніе одного всегда вредитъ другому. Такимъ то образомъ часто самыя лучшія намѣренія Государей обращаются ко вреду собственнаго ихъ отечества. Сіе также показываетъ сколь осторожны они должны быть при всякой предпріемлемой ими перемѣнѣ; и что при всѣхъ благопріятствующихъ по наружности случаяхъ, не всегда бываетъ тамъ благо, гдѣ они найти оное чаютъ. И да познаютъ они наконецъ, что ищущій пользы своего отечества внѣ онаго, и образующій народъ свой не силою собственныхъ его дарованій, заблуждаетъ.

Выше сего было показано, какое зло произошло для Римлянъ отъ того, что они прежде сами прилѣпились къ языку Греческому, а потомъ, что ихъ Государи его покровительствовали. Теперь покажемъ, какъ своенравіе нѣкоторыхъ Императоровъ ихъ послужило напротивъ того къ поддержанію еще языка Латинскаго. Императоръ Северъ, находясь по близости Афинъ, изъ одного тщеславія захотѣлъ посѣтить оныя, дабы удивляться, какъ говорилъ онъ самъ, красотамъ ихъ и рѣдкостямъ, сохранившимся послѣ толикихъ перемѣнъ,

Грецiею претерпѣнныхъ: но не имѣя истиннаго познанiя, знатоку свойственнаго, онъ смотрѣлъ на все въ нихъ превосходное равнодушно. Афиняне, по обыкновенной своей живости ума и склонности къ остросло вiю, не преминули подшутить на счетъ Императора, а сей не устыдился отмстить имъ за то отнятiемъ у нихъ правъ. Другiй Императоръ вычернилъ изъ списка судей и лишилъ право гражданства одного изъ знатнѣйшихъ Грековъ за то, что сей не зналъ языка Латинскаго, хотя самъ онъ произносилъ на Греческомъ языкѣ рѣчи въ Сенатѣ. Тиверiй извинялся также предъ Сенаторами что употребилъ въ присутствiи ихъ Греческое слово. Таковые Римскихъ Государей поступки, какъ ни странны кажутся, и отъ чего бы они ни произходили, могли весьма сильно дѣйствовать надъ вельможами, сими вѣчными двора подражателями, для коихъ одного слова Государева довольно, что бы превратить ихъ, какъ то повѣствуется о Цирцеѣ, въ самыхъ гнусныхъ животныхъ, какъ равно и возродить въ нихъ высокiя добродѣтели.

Не нужно болѣе сихъ примѣровъ, что бы показать, что Государь обращающiй свое своенравiе на ограниченiе выгодъ и власти иностранцевъ, какiя могли бы они получить въ землѣ его ко вреду его подданныхъ, менѣе погрѣшаетъ, чѣмъ тотъ, который подъ видомъ народнаго блага, даетъ имъ усиливаться до того, что его подданные отъ того пострадать могутъ. Государь всегда хорошо поступаетъ, хотя бы онъ изъ своенравiя или иной причины, ослабляя дѣйствiе языка чуждаго въ землѣ своей: ибо чрезъ то даетъ онъ своему природному укрѣпляться и возвышаться. „Не возможно представить себѣ, говоритъ одинъ Французской писатель, колико украшается языкъ блескомъ Государя и народа, когда они говорятъ на немъ„ . . . (*) Римляне, говоритъ другой писатель, старались заблаговременно распространять языкъ свой во всѣхъ областяхъ Имперiи; отъ того ли, чтобъ сiи тѣснѣе соединены были съ тѣломъ Государства; или въ силу того убѣжденiя, что достоинство и важность народа повелителя умалилась бы чрезъ то, когда

(*) См. De l'Universalité de la langue Française, par Rivarol.

бы говорили въ немъ не однимъ языкомъ. На сей конецъ давали они побѣжденнымъ народамъ свои законы, писанные на языкѣ Латинскомъ; Грекамъ они отвѣчали не иначе какъ на Латинскомъ же и поставили имъ въ обязанность говорить посредствомъ толмачей, не токмо въ Римскомъ Сенатѣ, но въ самой Греціи и въ Азіи. (**).

Въ Римѣ и самое своенравіе жестокихъ Государей обращалось въ пользу языка Латинскаго; или по крайней мѣрѣ не допускало, что бы онъ ослабленъ былъ силою языка Греческаго, который также ко вреду его былъ иногда между Римлянами въ великомъ употребленіи. Римляне даже и въ развращеніи своемъ воспоминали, что они Римляне, и не взирая на ихъ уничиженіе во времена тиранства, все еще желали повелѣвать вселенною и силою оружія и властію языка своего, содѣлавшагося при ихъ Императорахъ всеобщимъ, и потомъ отнявшаго первенство у Греческаго.

Греки, еще до Римлянъ, прославили языкъ свой и сдѣлали его всеобщимъ. Греки называя другія народы варварами, старались вперить въ ихъ умы какъ можно выгоднѣйшее о себѣ понятіе; а такое желаніе не иначе могло притти имъ какъ съ любовію отечества, которая есть главною пружиною великихъ дѣяній. И дѣйствительно, гдѣ любовь сія слаба, гдѣ она не возбуждается и не поддерживается правительствомъ, тамъ цѣлое государство находится въ бездѣйственномъ, и какъ бы разслабленномъ состояніи. Архимедъ желалъ такой точки внѣ земли нашей, на которой могъ бы онъ утвердить свое орудіе, и тогда бы двигалъ онъ ее по волѣ: подобно и Государю потребно только найти такое средство, помощію коего могъ бы онъ въ сердцѣ народа сохранять сію любовь къ отечеству, и тогда не было бы для него ни чего невозможнаго. Какихъ чудесъ не сдѣлалъ бы онъ предводительствуя такимъ народомъ? Но можно ли отрождать любовь сію не имѣя уваженія къ народу, а уваженіе къ народу можетъ ли быть безъ уваженія къ языку его? Люби отечественное нарѣчіе, и ты будешь любить народъ свой, а съ любовію къ наро-

(**) См. Valer. Maxim. 1. 2, c. 2.

ду процвѣтетъ и отечество. Исторія свидѣтельствуетъ неложнымъ образомъ о сей истиннѣ. Гдѣ только процвѣтали народы тамъ и любовь къ отечеству господствовала; но сія также не могла существовать безъ любви къ языку своему. Сія истинна непечатлѣнна на дскахъ всѣхъ лѣтописей міра. Ривароль *въ своемъ разсужденіи о всеобщемъ употребленіи языка Французскаго*, говоря о языкѣ нѣмецкомъ, сказалъ: „народъ, коего составлялъ онъ нарѣчіе, не радѣя о немъ, предпочиталъ ему языкъ Латинскій: то какъ заставить другіе народы принять то, чего сами принять мы не смѣемъ? Европа научилася у нѣмцовъ презирать языкомъ нѣмецкимъ.„ Въ другомъ мѣстѣ томъ же сочинитель говоритъ о нихъ:" Германія управляется многими владѣтельными князьями, пристрастным къ обычаямъ и языку народа любезнаго и просвѣщеннаго. Необыкновенное предпочтеніе, какое сіи Государи и ихъ Академіи оказываютъ нарѣчію чужому, препятствуетъ ихъ природному усовершенствоваться, и какъ будто исключаетъ его изъ употребленія„ . . . . Однако успѣхи нѣмецкаго языка и великое число ученыхъ мужей прославившихъ Германію доказываютъ, что Германцы стараяся отъ части (4) отвратить отъ себя столь постыдныя для нихъ укоры, оправдываютъ себя предъ Европою похвальною ревностію соучаствовать въ новыхъ изобрѣтеніяхъ, и способствуютъ къ пріумноженію полезныхъ откровеній въ наукахъ, и глубокомысленныхъ ученыхъ разысканій. Мы ли одни отстанемъ отъ просвѣщенныхъ народовъ? Мы ли одни отличимся презрѣніемъ къ языку своему?

Посмотримъ на Французовъ, на сихъ во всемъ нашихъ образцовъ, вскружившихъ намъ до того головы, что мы не смѣемъ, кажется, и ступить и вымолвить слова безъ Французскаго языка. Не всегда ли Францу ы отличалися любовію къ своему языку? И не сей ли любви они обязаны привязанностію къ своему отечеству, самою своей славой и уваженіемъ цѣлаго свѣта? Для чего же во всемъ подражая имъ слѣпо, не подражаемъ и въ томъ, что есть въ нихъ лучшее и похвальное? Съ одной стороны Французы подобно Римлянамъ распространяя предѣлы своего Государства, вводятъ повсюду употребленіе языка своего; а съ другой подобно Грекамъ вла-

дычествуютъ изобрѣтательною силою ума своего и прелестью своего пріятнаго и ловкаго обращенія. При дворѣ и въ дружескихъ бесѣдахъ, въ мирныхъ договорахъ и въ веселыхъ собраніяхъ, вездѣ первенствуетъ языкъ Французскій. Я не вхожу здѣсь въ подробныя и побочныя причины возвышенія и распространенія языка сего, о чемъ Ривароль и Швабъ такъ превосходно умствовали, а говорю объ одной изъ оныхъ, то есть, о любви къ нему его народа, что составляетъ главный предмѣтъ моего разсужденія. Французы не называютъ себя невѣжами, что не говорятъ на языкѣ иностранномъ, но почитаютъ всякаго другаго невоспитаннымъ, не просвѣщеннымъ, кто не говоритъ на языкѣ ихъ. Да они и въ правѣ такъ думать, когда изученіе языка Французскаго сдѣлалося признакомъ, мѣрою и доказательстомъ благовоспитанія не токмо у насъ, но и у другихъ народовъ. Научимся же отъ Французовъ не презирать, но уважать языкъ свой, и тогда и мы, подобно имъ, прославимся красотою и превосходствомъ своей словесности. Тогда языкъ нашъ перестанетъ казаться намъ бѣднымъ; но съ уваженіемъ къ нему, приложимъ и нашъ трудъ, и найдемъ обильный въ немъ источникъ краснорѣчія и купно сердечныхъ утѣшеній.

Довольно уже и тѣхъ причинъ къ медленному усовершенствованію языка нашего, которыя намъ существенны, и кои не существуютъ ни у Французовъ, ни у Агличанъ, ни у Нѣмцовъ: то есть малое количество народа по пространству Имперіи. Примѣтьтѣ, что какъ во Франціи, такъ и въ другихъ весьма населенныхъ Государствахъ, люди средняго состоянія живутъ въ нарочитомъ изобиліи, и посредствомъ своей промышленности и издѣлія могутъ удобно удовлетворять своимъ прихотямъ. Произведенія трудовъ ихъ легко и скоро тамъ расходятся, и щедро награждаютъ за ихъ заботы, бдѣнія и время; чего напротивъ того у насъ быть не можетъ. Мастеравой нашъ живетъ бѣдно; и не токмо бываетъ не въ состояніи что либо удѣлять отъ своей выручки на прихоти, но съ нуждою можетъ прокормить себя; а особливо, когда онъ обремененъ семействомъ. Сіе понимаю я въ такомъ разѣ, когда бы у рабочихъ нашихъ людей ни кто посторонній не отнималъ пропитанія, и когда бы

они свои издѣлія могли збывать всегда надёжно. Въ семъ даже случаѣ и при такихъ вѣрныхъ средствахъ продажи своихъ товаровъ, они бы еще были бѣдны: чтожъ, ежели къ сему ихъ состоянію мы представимъ себѣ невѣрность и трудность таковаго ихъ торга, по причинѣ той, что иностранцы надѣляютъ насъ своими рукодѣліями? До какого ничтожества не должны дойти у насъ всѣ художническія и ремесленническія произведенія? Сколько непреодолимыхъ почти препятствій, дабы притти имъ въ совершенство! Руской будучи утѣсненъ иностранцами, и видя сколь трудно ему поднятся, какъ говорятъ, на ноги, и жить въ довольствѣ своими трудами, принужденнымъ себя находитъ работать на иностранца, который пользуяся неблагоразуміемъ рускихъ, имъ же и продаетъ руками рускихъ сдѣланныя вещи за иностранныя. Въ такомъ жалкомъ и удрученномъ положеніи у насъ среднее состояніе народа, которое въ другихъ государствахъ находится въ толь цвѣтущемъ изобиліи, и которое способствуетъ какъ распространенію наукъ, такъ и блеску художествъ.

Въ Россіи одно дворянство могло бы поддержать и разширить познанія: но дворяне, воспитанные иностранцами, не думаютъ о Русской словесности; они даже презираютъ ее; и тогда, какъ у большихъ Барь богатые шкафы наполнены превосходныхъ изданій иностранными книгами, тамъ не видно и одной русской. Спросите у нихъ о причинѣ сего, и они вамъ скажутъ, что не нашли ни одной руской книги достойной быть въ ихъ книгохранилищѣ. Нѣтъ ничего хорошаго на Русскомъ, говорятъ они: и въ семъ мнѣніи такъ увѣрены, что уже ни что не сильно въ томъ разувѣрить ихъ. Толь грубое на счетъ отечественной словесности невѣжество сопровождаетъ ихъ до самаго гроба. Ни кто имъ въ семъ не противурѣчитъ; или естьли кто и осмѣлится имъ что нибудь сказать въ защиту языка русскаго, то развѣ со всею робостію и осторожностію, дабы не прогнѣвить ихъ. Сіе самое заставляя молчать робкихъ и слабыхъ писателей, подаетъ нашимъ барямъ случай думать, что они со всею силою разума опровергли тѣхъ умствованія, когда изрыгнули хулу на Русскую словесность.

Постараемся однако обличить нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ въ томъ, сколь ложно они судятъ разсуждая такимъ образомъ о словесности своего отечества. Естьли бы я сталъ предъ ними защищать здѣсь превосходство нѣкоторыхъ нашихъ писателей, ни мало не уступающихъ иностраннымъ, то я повторилъ бы только то, что было и прежде меня сказано: но не сей способъ прилично употреблять для пристыженія невѣжествующихъ поборниковъ чужеязычія. Съ ними какъ съ дѣтьми поступать должно; не разсуждать съ ними нужно, но обращаться къ первымъ началамъ, составляющимъ уже въ послѣдствіи разсужденія. Когда они говорятъ, что въ Россіи нѣтъ превосходныхъ писателей, не спорьте съ ними: ибо не льзя имъ доказать того, чего понять они не могутъ. Что бы судить и разсуждать о превосходствѣ русскихъ писателей, а слѣдственно и языка, надлежитъ имѣть о немъ изрядныя уже понятія; понятія же не приходятъ безъ ученія, какъ и сіе безъ трудовъ и прилѣжанія; но естьли они не имѣютъ ни того ни другаго, то какъ и требовать отъ нихъ, чтобы они обо всемъ томъ судили здраво. И такъ, не ихъ должно приближать къ нашимъ истиннамъ, для нихъ не довольно яснымъ, но намъ потребно снисойти до ихъ понятій. Согласитесь съ ними на время, что у насъ нѣтъ знаменитыхъ писателей: но они должны согласиться, по крайней мѣрѣ, что у насъ есть такіе, которые болѣе уже хорошіе нежели посредственные. Въ семъ они не могутъ отказать намъ; а съ того начать должно, на что они не вольнымъ образомъ принуждены бываютъ согласиться. Нашедши чрезъ то способъ съ ними сближиться, станемъ продолжать оттолѣ наши доводы, и отъ начала сего извлечемъ наши разсужденія, не упуская изъ вида сего согласія. Увѣряся, что у насъ есть хотя довольно хорошіе писатели, спросите у нихъ, могутъ ли они удостоить ихъ прочтеніемъ? Нѣтъ . . . Почему же? . . . Потому, что они читаютъ Бюфона, Волтера, Буало . . . Правда, у насъ нѣтъ такихъ писателей; но изъ сего не слѣдуетъ еще, чтобъ за Бюфонами и Волтерами своихъ не читать. Вѣдь и у Французовъ не вдругъ стали Бюфоны да Волтеры; и когда бы Французы не читали прежнихъ

своихъ писателей, такъ бы и у нихъ не было ни Бюфоновъ, ни Волтеровъ, и толь многихъ другихъ сочинителей, прославившихъ свое отечество. Французы не кричали, для чего нѣтъ у насъ Цицероновъ, Демосфеновъ, Гомеровъ, Виргиліевъ; но читая своихъ посредственныхъ писателей, ободряли ихъ; а наконецъ дождалися, что и своихъ стали имѣть Гомеровъ и Цицероновъ. Сими благоумными разсужденіями, образуются въ отечествѣ дарованія, процвѣтаютъ науки, обогащается словесность и творятся великіе писатели. Но такъ ли мы умствуемъ? Такъ-ли ободряемъ своихъ соотечественниковъ? Естьли бы и подлинно не было у насъ превосходныхъ писателей, то одна любовь къ отечеству, долженствовала бы заставить дворянъ нашихъ мыслить о немъ благопріятнѣе. Когда же многіе изъ нихъ предпочитаютъ изученіе чужаго языка своему собственному, то какъ могутъ поддержать его другія состоянія?

Такъ, въ Россіи одно дворянство могло бы способствовать къ усовершенствованію нашей словесности; а съ уверщенствованіемъ оныя распространить и другія познанія. Но, можетъ быть, спросятъ, отъ чего въ другихъ Государствахъ процвѣли науки, хотя и тамъ дворянство съ начала не столько прилѣжало къ нимъ? На сіе отвѣчать не трудно. Всякому хотя мало вникающему въ хозяйство Государства извѣстно, что всѣ Государственныя заведенія, заключающіяся въ различныхъ заводахъ и мастерствахъ, смотря по ихъ предмету, не иначе существовать могутъ какъ отъ излишества народа, такъ, что малое количество земли по соразмѣрности числа жителей будучи недосточно къ пропитанію ихъ и угрожая имъ бѣдностію и нуждою, пробуждаетъ разумъ изобрѣтенія, и принуждаетъ нѣкоторыхъ гражданъ посвятить себя ремесламъ и художествамъ. Въ сіе время, дабы избѣгнуть угрожающей нищеты, и всѣхъ послѣдуемыхъ за нею бѣдствій, прибѣгаютъ они къ разнымъ средствамъ, какія только вымыслъ влагаетъ въ умъ ихъ. Тогда чего не могутъ они получить отъ землепашества, то старуются съ лихвою выручить посредствомъ издѣлій своихъ: ибо народъ ставъ раздѣленъ различными упражненіями на разныя званія, процвѣтаетъ тогда въ каждомъ своемъ

сословіи. Земледѣльцы не будучи болѣе стѣснены недостаткомъ земли, посвящаютъ себя совершенно землепашеству, а ремесленники и художники, видя свои труды сугубо награждаемыми, и полюбя новый родъ своей жизни, ревнуютъ о приведеніи его въ цвѣтущее состояніе. Ремесла не остались въ одномъ положеніи, но съ ежедневными успѣхами начали приходить въ постепенное совершенство; и не токмо удовлетворяли первымъ нуждамъ, но стали угождать взору, льстить вкусу и плѣнять разумъ. И тѣ изъ ремесленниковъ обогащалися, кои предъ своими товарищами отличалися пріятностію, прочностію и вымысломъ своего рукодѣлія. По мѣрѣ размноженія народа размножались и сего рода люди: но какъ избытокъ народа произвелъ ихъ, такъ и они отъ избытка своего состоянія произвели другія сословія людей. Купцы сдѣлалися вскорѣ столь же необходимы для обоихъ выше упомянутыхъ состояній, сколько нужны были передъ тѣмъ ремесленники для земледѣльцевъ; и какъ ремесленники обогащалися земледѣльцами, такъ равнымъ образомъ купцы извлекали свои богатства изъ обоихъ сихъ состояній. Поелику же ихъ промыслъ не требовалъ отъ нихъ ни привязанности земледѣльцевъ къ одному мѣсту; ни сидячей жизни ремесленниковъ; то и обороты ихъ къ наживу стали обширнѣе, и средства многочисленнѣе. При первомъ раздѣленіи состояній мы видѣли избытокъ; но здѣсь является уже роскошь. Роскошь прихотлива; почему и способы къ удовлетворенію ея сдѣлались неизчерпаемыми золотыми рудниками для купечества, которое въ свою очередь болѣе и болѣе распространялося отъ множества людей пристававшихъ къ нему ради легкаго и удобнаго обогащенія, коего всякой могъ отъ него надѣяться.

Въ сіе то время стали нужны люди, кои оставя ремесло и не вступая въ купечество, посвятили бы себя на такія занятія, кои служили бы къ увеселенію и пріятности. Здѣсь начинается рожденіе наукъ и художествъ, которые процвѣтаютъ по мѣрѣ того какъ они бываютъ нужны; а нужда въ нихъ становится ощутительнѣе по мѣрѣ количества народа и его потребностей: ибо народъ питаетъ ихъ отъ избытка своего (5). Сіе доказываютъ намъ всѣ Государства, гдѣ ремесленники и

купцы могутъ почесться первыми востановителями просвѣщенія: ибо дворянство приставало къ нимъ послѣ, и только однимъ стыдомъ и очевидными своими пользами къ тому побуждаемо было. По сему то хотя въ нѣкоторыхъ Государствахъ правительство и оставляло безъ вниманія отечественную словесность, но она будучи поддерживаема не токмо купцами, ремесленниками, но частію и земледѣльцами, пришла въ цвѣтущее состояніе.

Со всѣмъ противное сему случилося въ Россіи, гдѣ правительство перемѣнило естественное вещей теченіе. Просвѣщеніе послѣдовало въ ней внезапно и отъ воли одного человѣка. Къ пользѣ-ли оно послужило, или нѣтъ, о семъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ. Теперь довольно, естьли здѣсь показана причина отъ чего въ другихъ земляхъ науки и художества достигли до толь примѣтнаго совершенства. Причина сія у насъ существовать не можетъ: ибо народъ нашъ едва сталъ чувствовать нѣкоторую еще нужду въ познаніяхъ; да и самая нужда сія не отъ собственнаго его желанія родилася въ немъ, а отъ посторонней, сообщенной ему воли. Не ученые, но земледѣльцы потребны намъ; то свидѣтельствуютъ цѣлыя впустѣ лежащія поля, тщетно ожидающія благотворительной руки, которая дала бы имъ жизнь и изобиліе. Но когда просвѣщеніе стало введено къ намъ, а поддерживающая оное въ другихъ земляхъ часть народа не можетъ поддержать его; тогда должны мы ожидать дѣйствій отъ первоначальной онаго причины, которая есть правительство. Дѣйствительно, правительство ввело у насъ просвѣщеніе; правительство-же находитъ себя принужденнымъ и поддерживать оное: ибо безъ сего всѣ познанія и науки пришли бы у насъ въ совершенный упадокъ. Въ другихъ Государствахъ народъ потребовалъ просвѣщенія, народъ его и поддерживалъ, а правительство иногда только способствовало ему и благопріятствовало. Сіе самое было и у насъ до Петра перваго, когда просвѣщеніе было соотвѣтственно нуждамъ народа. Со времени же Петра перваго все перемѣнилось. Правительство стало главною причиною нашего просвѣщенія: но какъ народъ не ощущалъ въ немъ еще такой настоятельной нужды, какъ то вообразили себѣ, то онъ съ своей сторо-

ны и не дѣлалъ ни какихъ почти пожертвованій. Потому-то нѣтъ ни одного Государства, гдѣ бы столько было казенныхъ заведеній, какъ въ Россіи, въ пользу просвѣщенія. Однако всѣ усилія правительства останутся безплодными, естьли главная и лучшая его подпора, что составляетъ у насъ дворянство, не будетъ въ томъ способствовать ему. Одни дворяне должны приложить усердіе къ любви Монарха, и свое содѣйствіе къ его воли. Споспѣшествованіе сіе долженствуетъ быть не столько въ деньгахъ сколько въ похвальныхъ примѣрахъ, чтобъ усердіе болѣе являлось на самомъ дѣлѣ, нежели на словахъ. Бросать деньги отъ избытка не доказываетъ еще истинной любви къ отечеству: ибо тоже сдѣлаетъ и человѣкъ безнравный, не знающій куда дѣвать своихъ сокровищъ, будучи пресыщенъ ими. Онъ легко отдѣлитъ отъ нихъ часть почти непримѣтную ему, въ угожденіе новой еще для него страсти, каково есть славолюбіе: испытавши всякого рода удовольствія, ему легко можетъ притти на мысль желаніе испытать еще и сіе. Пожертвованія сіи удобны ослѣпить многихъ; многіе возвысятъ гласъ свой на прославленіе сихъ подвиговъ для причтенія ихъ къ дѣламъ безсмертнымъ; одинъ мудрецъ взвѣшивающій всѣ жертвоприношенія на вѣсахъ истинны, разбирающій всѣ дѣянія строгимъ разсудкомъ правды и цѣнящій всѣ вещи не по обманчивому ихъ виду, но по добротѣ и качеству ихъ, тѣмъ не ослѣпится. Онъ пожелаетъ видѣть человѣка, и потомъ судить о важности его дѣянія. Онъ приложитъ послѣдствія къ дѣйствію, а дѣйствіе къ причинѣ. Лучше не дѣлать никакихъ жертвъ отъ своихъ сокровищъ, чѣмъ дѣлать изъ единаго тщеславія. Что въ томъ отечеству, что иной богачь броситъ нѣсколько сотъ тысячь, и болѣе, на мнимую онаго пользу, когда онъ собственнымъ своимъ примѣромъ не подвигнетъ ни одного гражданина на любленіе земли своей? Примѣръ же тому подаютъ тогда, когда, сообразуяся обычаямъ своего отечества, почитаютъ все то священнымъ, что до него ни принадлежитъ. Какъ древо познается отъ плода своего, такъ и любовь къ отечеству познается отъ дѣлъ нашихъ: но дѣла сіи истекаютъ изъ сердца, внушаются разумомъ, движутся честію, направля-

ются человѣколюбіемъ, сопровождаются пользою, устрояются истинною и сливаются въ славу отечества.

Къ числу таковыхъ дѣлъ мы должны причислить и книгу *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка.* Колико она приноситъ собою пользы языку, а слѣдственно и нашему отечеству, толико дѣлаетъ чести сочинителю ея. Дворянамъ остается послѣдовать внушеніямъ достойнаго своего гражданина. Дворянамъ предлежитъ слава показать иностранцамъ, что мы умѣли познать свои недостатки, увидѣть свои заблужденія, побѣдить предразсудки, оставить низкое подражаніе и сравняться съ ними, когда не превысить еще, въ успѣхахъ словесности и другихъ познаніяхъ. Дворянамъ должно стараться о истребленіи въ умахъ иностранцевъ тѣхъ невыгодныхъ о насъ мнѣній, какія составили они о малыхъ нашихъ дарованіяхъ: ибо одни дворяне тому виною; они поработили себя ихъ игу, и содѣлываяся ихъ данниками, или, паче рабами, научили ихъ потому и судить о насъ съ презрѣніемъ. *Русской згніетъ не дозрѣвши,* сказалъ одинъ Французской писатель. Такъ отзываются о насъ иностранцы: ибо они судили о народѣ по избраннымъ изъ нихъ. Но какимъ образомъ Русскіе могутъ уничтожить сіи невыгодныя о себѣ понятія? Однимъ прилѣжаніемъ къ своему отечественному языку, къ чему побуждаетъ насъ и сочинитель разсматриваемой мною книги, которому я обязанъ за все то, что ни написалъ здѣсь въ пользу моего отечества.

Я обращаюсь къ однимъ дворянамъ не потому, что бы народъ и среднее состояніе почиталъ не способными къ вышшимъ познаніямъ, но что они первые могутъ то сдѣлать удобнѣе. Выше сего я показалъ, что не соразмѣрное пространство Имперіи въ разсужденіи малаго количества жителей, есть главною причиною, почему у насъ среднее состояніе не можетъ способствовать къ распространенію и совершенству наукъ: истинна сія очевидна. А сіе-то и причиною, почему среднее состояніе не въ состояніи награждать труды ученыхъ, предоставляя сіе преимущество и славу одному дворянству, яко имѣющему къ тому способы. Но какъ поступаютъ наши дворяне? Они полагаютъ всю

свою премудрость, какъ показалъ я и выше сего, въ изученіи языка чуждаго, и въ незнаніи своего природнаго.

Когда жилъ Ломоносовъ и Сумароковъ и Меценатъ ихъ Шуваловъ, когда зараза чужеязычія не такъ еще обуяла Русскіе умы, число любителей отечественной словесности было несравненно противу теперешняго больше. Мы видѣли между первостепенными чиновниками Государства мужей отличавшихся познаніемъ языка своего и упражнявшихся съ успѣхомъ въ ономъ; мы видѣли также и любителей словесности, которые, хотя сами и ни чего не писали, но вмѣняли себѣ въ нѣкоторую особенную честь ободрять и покровительствовать возникающія въ отечествѣ ихъ дарованія. Симъ людямъ обязаны мы за то, что имѣемъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Богдановича, Поповскаго, Державина, и многихъ другихъ, украсившихъ произведеніями своего ума отечество. И сіе время было зарею нашей словесности и учености, и лучшею жатвою для книгопродавцевъ. Всѣ ожидали и восхожденія свѣтила наукъ: но появленіе въ безчисленномъ множествѣ иностранцевъ, на подобіе тучь, мало по малу стало лишать насъ сей надежды; и наконецъ не токмо не взошло оное свѣтило, но и самая заря утратила нѣчто отъ своего прежняго сіянія. Дворяне стали отвыкать отъ своего языка и прилѣжать къ чужому. Школы заведенныя иностранцами умножились до безчисленности и содѣлались гробами языка нашего. Въ нѣдрахъ семейства, въ святилищахъ Музъ, посреди отечества русскіе стали научаться быть не русскими. Но сего еще не довольно: ученіе въ чужихъ краяхъ вмѣсто ожидаемой для отечества пользы во вредъ ему обратилося. Мы можемъ указать на не малое число сочиненій, писанныхъ на чужомъ языкѣ русскими; что не можетъ не послужить, а особливо при теперешнемъ состояніи словесности, какъ не къ совершенному оной ущербу и паденію. Внутри же отечества почтенные питомцы иностранцевъ вмѣняютъ себѣ въ особое достоинство умѣть сочинить на Французскомъ языкѣ пѣсенку и вести свои переписки на немъ-же. По тому-то сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка весьма справедливо востаетъ про-

тиву такаго злоупотребленія и заблужденія на счетъ нашей словесности. „Когда сообщеніемъ „своимъ сближились мы, говоритъ онъ, съ ино-„странцами, а особливо Французами, тогда вмѣсто „занятія отъ нихъ единыхъ токмо полезныхъ „наукъ и художествъ, стали перенимать мѣлочные „ихъ обычаи, наружные виды, тѣлесныя украшенія, „и часъ отъ часу болѣе дѣлаться совершенными „ихъ обезъянами. Все то, что собственное наше, „стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и „презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣвать-„ся, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ „говорить, какъ кланяться, и даже какъ сморкать „и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ „себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ „другу по Французски“ . . . . Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ насъ укоряетъ: „сія ненависть къ языку „своему (а съ нимъ по не многу, постепенно, и къ сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отече-„ству) уже такъ сильно вкоренилась въ насъ, что мы видимъ множество отцовъ и матерей радую-„щихся и утѣшающихся, когда дѣти ихъ, не умѣя „порядочно грамотѣ, лепечутъ полрусскимъ язы-„комъ; когда они вмѣсто зданіе говорятъ *едифисъ*: „вмѣсто меня удивило, меня *фрапировало* и проч.“ (6). Также говоритъ онъ основательно и благоразумно: „народъ, которой все перенимаетъ у друга-„го, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ по-„слѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя и те-„ряетъ собственное свое достоинство; онъ не „смѣетъ быть Господиномъ, онъ рабствуетъ, онъ „носитъ оковы его, и оковы тѣмъ крѣпчайшіе, что „не гнушается ими, но почитаетъ ихъ своимъ „украшеніемъ.“ Такими истиннами изобилуетъ сіе достохвальное сочиненіе, и тѣмъ драгоцѣннѣйшее въ глазахъ каждаго прямаго Россіянина, что оно показало иностранцамъ, что мы не всѣ и не со всѣмъ еще обуяли въ своихъ предразсудкахъ; и что находятся между нами ревностные любители отечества, которые душею и сердцемъ рачатъ о его пользѣ и славѣ. Такъ, сіе твореніе достойно и потому вниманія и благодарности нашей, что въ самыхъ иностранцахъ перемѣнило худое о насъ мнѣніе, и можетъ быть научитъ ихъ сохранять къ намъ уваженіе. (7) И естьли бы таковыхъ книгъ

было больше, то иностранцы судили бы тогда о насъ по нашимъ писаніямъ, а мы перестали бы судить о себѣ по ихъ мечтамъ и догадкамъ. Отсюда родилось бы въ насъ къ самимъ себѣ почтеніе; отъ почтенія возникло бы желаніе отличиться, а изъ сего воспрянуло бы соревнованіе, не частное уже, но народное. Подобное соревнованіе между Франціею и Англіею произвело какъ въ той такъ и въ другой землѣ множество людей знаменитыхъ, какъ по своимъ Государству полезнымъ гражданскимъ услугамъ или военнымъ подвигамъ, такъ и по своей отличной учености. Германцы соревнуя имъ, пожелали также отличиться на поприщѣ учености; и отъ того времени начали они оспоривать у нихъ право первенства и обратили на себя вниманіе цѣлаго свѣта: ибо успѣхи ихъ въ наукахъ и художествахъ удивили на конецъ и тѣхъ самыхъ, которые, гордяся своимъ просвѣщеніемъ, взирали на нихъ прежде съ презрѣніемъ. Французы чувствовавшіе до того времени отвращеніе къ языку цельтскому ради грубости его нарѣчія, стали находить въ немъ пріятность, и увидѣли такое богатство въ составленіи словъ и рѣченій, какого Французской языкъ имѣть не можетъ.

Вотъ что должны мы заимствовать отъ иностранцевъ, и какъ они, стараться о приведеніи въ совершенство языка отечественнаго, надъ которымъ остается намъ несравненно менѣе ихъ трудиться: ибо намъ не столько нужно выдумывать, составлять, заимствовать слова, сколько умѣть отыскивать ихъ въ тѣхъ книгахъ, которыхъ болѣе мы не читаемъ. Въ сихъ то книгахъ, откуда сочинитель разсматриваемаго сочиненія, почерпнулъ свои прекрасные примѣры, зарыты слова недостающія намъ, коихъ знаменованіе начинаетъ уже для насъ затмѣваться, и коихъ корни большею частію остаются намъ неизвѣстными. Въ сихъ то книгахъ хранится и богатство нашего краснорѣчія. Мы потому только его не видимъ, что сіи книги не того рода, къ которому иностранцы пріучили насъ; слѣдственно и краснорѣчіе ихъ не по вкусу нашему, и представленія, тѣмъ краснорѣчіемъ въ нихъ описанныя, не по образу настоящаго нашего понятія. Мы желаемъ имѣть Волтеровъ, д'Аламбертовъ, Бюфоновъ; или читать Альзиру, Меропу,

Генріаду, Орлеанскую дѣву: то есть, мы требуемъ отъ нашихъ сочинителей такого краснорѣчія, какое находимъ въ Альзирѣ, Меропѣ, Генріадѣ и Орлеанской дѣвѣ; или сказать вразумительнѣе и ближе къ точности нашихъ мыслей: намъ хочется, чтобъ описывали пріятно и превосходно такія вещи и представленія, какія любить мы обыкли. Это будетъ со всѣмъ иное дѣло. Такъ и говорить станемъ, что намъ не нравятся тѣ представленія и вещи, которыя описаны въ тѣхъ книгахъ, которыхъ мы не читаемъ, которыхъ въ дѣтствѣ нашемъ читать насъ не заставляли за тѣмъ, что Французъ или Нѣмецъ воспитывалъ насъ, и потому, что наши папиньки и наши маминьки къ тому насъ не принуждали: ибо Французъ и Нѣмецъ и наши папиньки и наши маминьки не разумѣли тѣхъ книгъ, и что сверьхъ того и тѣ и другія все то, что въ нихъ ни преподается намъ: почитаютъ старообрядствомъ и причудною набожностію. Для чего-же намъ смѣшивать вкусъ нашъ и представленія съ свойствомъ краснорѣчія языка нашего? Разсуждать такимъ образомъ значитъ быть весьма худыми умствователями и показываетъ, что мы разсуждать во все не умѣемъ, или не научились еще, со всею премудростію языка Французскаго. Дай худому живописцу Рафаелову кисть и краски; онъ худо напишетъ картину. Но уже ли скажемъ, что кисть и краски, а не искуство его виною тому, что худой живописецъ написалъ такъ худо. Тоже самое и съ нами случается; у насъ есть и изобиліе словъ и богатство краснорѣчія, да нѣтъ довольнаго искуства употреблять ихъ; или лучше сказать, что собственное наше нерадѣніе тому причиною, что языкъ нашъ не великолѣпствуетъ въ полной красотѣ своей: ибо вмѣсто того, чтобъ поощрять дарованія приписаніемъ должной имъ похвалы, мы стараемся очернить и умалить ихъ, и даже осмѣять; а чрезъ то прохлаждаемъ жаръ въ тѣхъ, кои упражняются въ словесности, желая славы своему отечеству и чести согражданамъ своимъ. Симъ-то средствомъ убиваемъ мы въ отечествѣ нашемъ дарованія, которыя могли бы произвесть намъ Генріаду, Меропу, Клариссу, которымъ мы же теперь удивляемся. И такъ не на недостатокъ словъ и краснорѣчія станемъ жаловаться, а на скудость да-

рованія; но какъ цвѣты едва возникшіе увядаютъ, когда не будутъ рачить о нихъ: такъ и дарованія погибнутъ, когда поощрять ихъ не стануть.

Перестанемъ говорить, что у насъ нѣтъ образцовъ краснорѣчія; а лучше признаемся, что мы не читаемъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ есть оно; а не читаемъ потому, что тѣ книги говорятъ намъ о умерщвленіи плоти нашей, а мы привыкли распалять ее; онѣ толкуютѣ намъ о умѣренности пищи, а мы любимъ пресыщеніе; онѣ выхваляюшъ простоту одѣянія и воздержаніе; а мы предпочитаемъ блескъ, великолѣпіе, щегольство и роскошъ; онѣ учатъ насъ бережливости, а мы къ мотовству пристрастилися; онѣ увѣщеваютъ дѣтей быть послушными родителямъ своимъ, а дѣти желаютъ, что бы родители ихъ слушали; онѣ твердятъ отцамъ и матерямъ, что бы они были своимъ дѣтямъ примѣрами согласія, благонравія и цѣломудрія, а отцы и матери тяготяся быть такими примѣрами, послабляютъ своимъ дѣтямъ на тотъ конецъ въ молодости, что бы сіи прощали имъ слабости въ ихъ старости; а сіи слабости бываютъ болѣе распутства и пороки, нежели на недостатки, сопричастныя человѣческой природѣ: словомъ тѣ книги мудрствуютъ о добродѣтели, возносятъ духъ нашъ къ Богу, просвѣщаютъ разумъ и сердце вѣрою, назидаютъ насъ въ безсмертіи; а мы вѣдаемъ добродѣтель по одному преданію, сумнѣваемся о Богѣ, отвергаемъ вѣру, и издѣваемся надъ безсмертіемъ; или много, много, что пребываемъ въ нерѣшимости, признавать-ли намъ все то за истинну, или почесть за одни народные предразсудки и пустые страхи невѣжества? Но все сіе ничего другаго не показываетъ кромѣ того, что у насъ иной вкусъ и иной образъ понятія, нежели какія имѣли тѣ, кои писали оныя книги: ибо они любили бесѣдовать съ Богомъ, украшаться вѣрою, жить и утѣшаться безсмертіемъ, и находить отраду въ добродѣтели. О сихъ предметахъ любили писать они, къ сему имѣли охоту и дарованія; а не будучи свѣтскими мудрецами, они все свое краснорѣчіе, всѣ свои представленія и всѣ сихъ образы и измѣненія заимствовали отъ вѣры, на служеніе которой посвятили жизнь свою. Всѣ

сіе я привелъ здѣсь для того, чтобы показать, что мы жалуяся на скудость нашего краснорѣчія, жалуемся въ существѣ самого дѣла на то, что не тѣми изображеніями очаровывали наше воображеніе, какими съ дѣтства обыкли мы заниматься, и что не скудость языка, но разность только представленныхъ намъ предметовъ тому причиною; или яснѣе, что недостатокъ на нашемъ языкѣ въ нѣкоторыхъ книгахъ, согласныхъ съ принятымъ и распространившимся у насъ вкусомъ, которыя мы читаемъ на иностранномъ нарѣчіи, заставилъ насъ заключить ложно, что и языку нашему недостаетъ краснорѣчія. Но такъ судить прилично однимъ дѣтямъ. До Ломоносова, можетъ быть, также думали, что языкъ нашъ не удобенъ изъяснять восторговъ Пиндара; но Ломоносовъ, черпавшій богатство своего слова отъ туда, отъ куда и сочинитель о старомъ и новомъ слогѣ, поразилъ насъ красотою своего слова; уста его, источившіе сладость краснорѣчія, и его очи, исполненные божественнаго огня восторговъ, и громкіе звуки лиры его, коихъ согласіе и пріятность потрясли сердца наши, увѣрили насъ, что и мы имѣемъ своего Пиндара и также неподражаемаго. До Сумарокова воображали, можетъ быть, тоже, что нашъ языкъ не довольно пріятенъ для нѣжности, не довольно краткокъ и игривъ для басенъ, и не имѣетъ должной важности и силы для Мельпомены: но Сумароковъ плѣнилъ насъ своими Идиліями и Елегіями, забавилъ и наставилъ въ своихъ басняхъ и восхитилъ трагедіями. Когда же увѣрились, что на Русскомъ языкѣ можно воспламѣнять въ одахъ, плѣнять въ идиліяхъ, забавлять въ басняхъ, великолѣпствовать въ трагедіяхъ; можетъ быть, не вѣрили внутренно, что бы можно было на немъ соединить въ одномъ сочиненіи такого рода нѣжность стиховъ, что бы они въ одно время были пріятны и легки, кратки и величавы, пристойны и отчасти не скромны, забавны и остроумны, игривы и стройны; словомъ, что бы они говорили сердцу, плѣняли разумъ, забавляли воображеніе и услаждали слухъ нашъ: то есть, не доставало Душиньки, не доставало Богдановича. Подобно, можетъ быть, заключали, что не льзя на нашемъ языкѣ шутить, забавлять, нѣжить наши чувства и въ тоже время все

то одушевлять и наполнять строгими правилами любомудрія и грозную истинну украшать цвѣтами стихотворства: но и въ семъ еще разувѣрилъ насъ Творецъ Фелицы. Но всѣ ли подобно Ломоносову, могутъ имѣть Шувалова своимъ покровителемъ, подобно Сумарокову отличную породу и случай, подобно Богдановичу пріобрѣсть назидателемъ своимъ безсмертнаго по своимъ твореніямъ Хераскова, подобно Державину быть ободрену и ущедрену Екатериною? Не станемъ для того роптать на скудость языка нашего: ибо кто умѣлъ имъ пользоваться, для того онъ былъ всегда преизобиленъ. Не станемъ жаловаться на недостатокъ въ Россіи дарованій: ибо когда находятъ и ободряютъ ихъ, тогда и дарованія показываются.

Но сіе до селѣ дѣлалось частнымъ только образомъ, а не на всѣхъ простиралось; для перваго случая нужно было одного Шувалова, для послѣдняго, что бы всѣ вельможи были ему подобны, что бы дворяне любили языкъ свой, что бы почувствовали они, что несравненно лучше, честнѣе и похвальнѣе сыскать себѣ имя посредствомъ своихъ дарованій, какъ Дмитріевъ, Карамзинъ, Долгоруковъ, нежели прослыть въ народѣ развратителями общихъ установленій вѣры и порядка, и что гораздо лестнѣе способствовать избыткомъ своихъ богатствъ къ открытію и возниченію въ молодыхъ людяхъ дарованій, нежели раззоряться на лошадей, собакъ и развратныхъ женщинъ. Безъ сего-же одно щастіе только будетъ поддерживать нашу словесность, и одна любовь къ отечеству, которая въ нѣкоторыхъ изъ Россіянъ дѣйствуетъ, не взирая на всѣ препятствія и трудности, какія встрѣчаютъ на каждомъ шагу упражняющіеся въ своей словесности. Однако одно щастіе и угнетаемая непрестанно любовь къ словесности никогда не произведутъ того, что производится цѣлымъ сословіемъ.

Пусть также дворяне наши не жалуются и на недостатокъ учителей русскихъ. Они всегда найдутъ ихъ, когда сами научатся уважать ихъ. Какой благовоспитанный человѣкъ захочетъ быть учителемъ, когда онъ видитъ до какого степени унижено у насъ сіе званіе въ лицѣ русскаго, и сколь напротивъ того оно почтено и уважено въ особѣ

Француза? Безспорно русской не научитъ такъ скоро ни такъ легко и правильно говорить по французски, какъ природный Французъ, непрестанно съ дѣтьми болтающій на своемъ нарѣчіи: но за то Русской могъ бы показать иныя познанія, несравненно Французскаго языка полезнѣйшія. Правда и то, что Русской не далъ бы дѣтямъ, можетъ быть, ловкаго тѣлодвиженія, но за то онъ укрѣпилъ бы ихъ мышцы и вліялъ бы въ нихъ полезный отечеству разумъ, и на семъ основалъ бы свое воспитаніе. Теперь-же, получившій у насъ хотя малое просвѣщеніе, и видя отъ Русскихъ дворянъ къ Русскому учителю такое презрѣніе, предпочитаетъ сему званію службу, гдѣ уже не дѣтьми, но ихъ отцами руководствуетъ. Почему и не удивительно, что въ Россіи большая часть Русскихъ учителей состоятъ изъ студентовъ самыхъ посредственныхъ способностей. Они охотно нанимаются учить дѣтей за малую плату, отправляя за ту же цѣну должность управителя, дворецкаго и прикащика, и исправляютъ также и другія разныя препорученія: ибо у насъ помѣщики не знаютъ средины; бѣдный студентъ долженъ за сто рублей быть всѣмъ и всюду; и учить дѣтей и сѣчь людей на конюшнѣ, и сопутствовать помѣщику въ его дорогахъ, и быть у него подъ часъ шутомъ. По истиннѣ лучшихъ учителей и недостойны имѣть наши дворяне, какъ бы въ наказаніе за то презрѣніе, какое они оказываютъ къ прямымъ дарованіямъ согражданъ своихъ: ибо имъ пріятнѣе держать у себя какого нибудь побродягу Француза, нежели своего согражданина, отличающагося какъ своимъ благонравіемъ, такъ и достаточными и нужными для воспитанія дѣтей свѣденіями.

Ко всѣмъ симъ причинамъ упадка нашей словесности прибавьте еще и то, что отцы и матери спѣшатъ записывать дѣтей своихъ въ службу въ такое время, когда имъ учиться самая только пора наступаетъ, которое время есть лучшее для ученія. Дитя въ шестьнадцать лѣтъ хочетъ уже служить; а видя въ службѣ чиновниковъ также молодыхъ какъ и онъ самъ, и съ такими же ограниченными познаніями, желаетъ то же чиновъ. Но съ чинами всякой молодой человѣкъ получаетъ какъ бы нѣкоторое право на всѣ роды увеселенія, раз-

влекающія его мысли; а потомъ и на всѣ развраты, убивающіе его здоровье, умъ, честь и словомъ все, что драгоцѣнно истинному гражданину. Пойдутъ ли тогда на умъ полезныя упражненія, могущія со временемъ ему самому и отечеству быть полезными? Да и кто остановитъ его въ безстыдномъ поведеніи? Имѣя значущій чинъ, дающій ему всюду входъ и мѣсто, а весьма часто, что бы не сказать всегда, и преимущество предъ людьми съ дарованіями, не имѣющими его щастія, не въ правѣ ли онъ мечтать, что онъ и самъ уменъ и не имѣетъ нужды ни въ чьихъ совѣтахъ? (8) Дѣти послушными бываютъ тогда только, когда не вышли еще изъ подъ наказанія, а не тогда, когда являются въ лучшихъ собраніяхъ съ плюмажами и съ чинами. Театры, маскерадъ, и другія общественныя увеселительныя собранія и полныя соблазновъ сборища бросаются имъ въ глаза всего прежде; туда они летятъ, тамъ ищутъ своихъ удовольствій, тамъ провождаютъ дни и ночи, ни мало не помышляя о пользѣ отечества. Да и самое имя отечества становится для нихъ столь же многознаменательно, колико есть названій земель въ мірѣ, и столь же обширно, колико пространна вселенная. Тотъже, кто бы захотѣлъ съ рвеніемъ истинны говорить имъ объ ономъ, остался бы на счету пустаго только школьника, коего умъ и сердце пригвождены къ одному мѣсту, гдѣ онъ родился. Когда-же по обстоятельствамъ они принуждены бываютъ ограничить смыслъ знаменованія отечества и говорить о немъ одномъ, тогда почитая себя по чину своему и по занимаемому ими мѣсту людьми Государственными, они удостоиваютъ защищать право земли своей; но какъ прежде они бредили полагая отечествомъ своимъ всю вселенную, такъ бредятъ потомъ, когда принуждены говорить объ одной уже пользѣ своего отечества: ибо разсужденія головы недозрѣлой всегда одинаковы: еда убо источникъ отъ единаго устія источаетъ сладкое и горькое?

Показывая такимъ образомъ причины отъ чего словесность у насъ не процвѣтаетъ, весьма прилично помѣстить здѣсь разсужденіе одного ученаго Француза, хотя онъ жаловался не на охлажденіе въ его время Французовъ къ своей словесно-

сти, но что они переставая упражняться въ древнихъ языкахъ, стали прилѣжать къ своему: и потому жалобы его не могутъ быть столько справедливы, сколько жалобы сочинителя книги о старомъ и новомъ слогѣ, жалующагося на то, что мы во все забываемъ языкъ свой. „Воспитаніе дѣтей уже не таково нынѣ стало, каково оно прежде было, а оно надъ всею „жизнію дѣйствіе имѣетъ. Въ большой части людей, болѣе или менѣе достоинства происходитъ „отъ первыхъ наставленій, хорошихъ или худыхъ, „которыя они имѣли въ младости своей. Нынѣ „отцы почитаютъ, что не можно довольно скоро „дѣтей опредѣлять въ школы, не въ томъ намѣреніи, чтобъ они долѣе тамъ были: но напротивъ того, что бы скоряе свои науки окончили, „дабы ихъ употребить въ какую службу. По сему „разположенію, посылаютъ въ школы дѣтей шести „или семи лѣтъ, а берутъ ихъ оттудова четырнатцати или пятнатцати. Въ толь младыхъ лѣтахъ память болѣе имѣетъ участія въ ихъ науках, нежели разсужденіе. Они оставляютъ школы прежде утвержденія разума, прежде нежели „они могли вкусить пріятство наукъ, о которыхъ „старались имъ дать нѣкое знаніе; да и оставляютъ безъ возврату, потому что мы ни когда не „научимся наукамъ по охотѣ, когда онѣ не могутъ „быть намъ пріятны.“ — Потомъ говоритъ онъ: „богатства умножились, и умножась произвели „сластолюбіе и излишнюю трату денегъ; мы учинили себѣ множество нуждъ незнаемыхъ нашимъ „предкамъ, не дѣйствительныхъ, но выдуманныхъ „нуждъ, которыя однако, сколько бы ни стоило, „хотятъ удовольствовать, и кои и самымъ богатѣйшимъ чинятъ нѣкую нищету чувствовать. „Двѣ страсти нынѣ большую часть Французовъ „раздѣляютъ, а паче въ сей столицѣ, то есть „страсть пріобрѣсти богатства и издерживать, „обѣ не имущія границы, и которыя часто въ единомъ человѣкѣ соединяются, и потому ясно есть, „что охота къ наукамъ не можетъ съ подобными „склонностями согласиться. — Надлежитъ токмо „сравнить, продолжаетъ онъ, нынѣшнее состояніе „города Парижа съ тѣмъ, каковъ онъ былъ въ началѣ владѣнія Лудовика XIII, для уразумѣнія, что

„тогда болѣе въ немъ ученыхъ людей было, нежели нынѣ. Парижъ имѣлъ тогда меньше веселостей, построенъ по старинному, не столь пространенъ и не столь многонароденъ, въ половину противу нынѣшняго, ни чего въ себѣ прельстительнаго не имѣлъ. . . . Столы простые такъ, какъ они были и безъ всякихъ приправъ, мало гостей привлекали; сверьхъ того каждой частной человѣкъ, имѣвъ токмо весьма умѣренные доходы, принужденъ былъ имѣнія свои употреблять съ разсмотрѣніемъ. Мало было каретъ; ибо не за долго предъ тѣмъ они были изобрѣтены: а хаживали пѣшкомъ въ такихъ башмакахъ, или сапогахъ, которые оставляли въ прихожей, когда куда въ гости приходили. И я бывъ еще робенкомъ, видѣлъ остатки сего древняго обыкновенія. Судьи ѣзживали въ приказы на мулѣ, и также возвращалися; и возвратясь къ себѣ, не могли имѣть охоты выѣжжать, чтобъ не загрязниться; тогда входили въ свои кабинеты, гдѣ книги имъ дѣлались товарищами. Всякой хорошо учился въ школѣ, для того, что въ нее уже бывъ опредѣленъ при здравомъ разсудкѣ, и въ совершенныхъ лѣтахъ, онъ сталъ охотникъ къ словеснымъ наукамъ, и сію охоту продолжалъ цѣлую свою жизнь, ради-ли чувствуемаго имъ отъ нихъ удовольствія, или такъ какъ говорятъ, за неволею, что ему дѣлать нѣчего. Сія-то древняя строгость нравовъ произвела Канцлера Опиталя, Президента Туана, Бриссона, Морвиліэра, Паскіэра, Лоазеля, двухъ главныхъ братьевъ господъ Питуановъ, и великое число другихъ ученыхъ людей; ибо въ доказательство сему надлежитъ токмо прочесть стихотворческія сочиненія Канцлера Опиталя, дабы увѣриться, что Парламентъ былъ тогда наполненъ весьма учеными судьями. Сіе время уже прошло; причина тому, что нынѣ въ Парижѣ много есть случаевъ, которые отъ уединенія и отъ наукъ отлучаютъ. Едва молодой человѣкъ достигаетъ до осмнатцати, или до дватцати лѣтъ, то опредѣляютъ его въ какой чинъ, и даютъ ему екипажъ. Какъ возможно надѣяться, чтобъ онъ, сею легостію всюда ѣздить, могъ сопротивляться охотѣ къ бесѣдамъ и къ гулянію?„

„Не можно изобразить, колико единая музыка, „которой вкусъ толь нынѣ распростерся, и сіе пре„лестное позорище имянуемое Опера, вреда приклю„чили наукамъ. Единое и другое обратили разумъ „къ тщетности, и со всѣмъ отъ постоянныхъ и „прямо хорошихъ вещей охоту отняли. Malarum „rerum industria inuasit animos, говорилъ Сенека; can„tandi sal tandique nunc obscena studia effeminatos te„nent. Но тщетно онъ говорилъ; ибо не могъ по„править свой вѣкъ, и вотъ описаніе Риму, кото„рое чинилъ Амміанъ Маркеллинъ болѣе дву сотъ „лѣтъ послѣ. Малое число домовъ, въ коихъ еще „къ наукамъ прилѣжатъ, учинились позорищами „праздности и безумныхъ веселій, кои ея послѣду„ютъ. Лишь токмо нынѣ слышимъ гласъ воспѣ„вающихъ и музыкальныхъ инструментовъ; вмѣсто „философа или ритора хотятъ имѣть комедіанта, „музыканта, или танцовщика. Библіотеки же суть „такъ, какъ гробы, заперты; уже не говорятъ о „книгахъ, но о флейтахъ, лирахъ, и о всякихъ му„зыкальныхъ инструментахъ; и однимъ словомъ, о „всѣхъ пріуготовленіяхъ игрища, или комедіи „(9).„ (*)

Убѣждаясь истинною сего разсужденія, я не могъ не помѣстить здѣсь онаго тѣмъ болѣе, что тѣже мысли возбуждали меня, тѣже чувствованія наставляли мое сердце. Я не желалъ чужаго выдать за свое; а разсудилъ помѣстить лучше такъ, какъ оно есть въ подлинникѣ, безъ всякой даже перемѣны. При томъ сіе разсужденіе весьма у мѣста при разбирательствѣ причинъ, отъ чего не процвѣтаетъ у насъ словесность; ибо сверьхъ обстоятельствъ, о коихъ сочинитель сей упоминаетъ, мы со стыдомъ должны признаться, что умножаемъ оныя сугубо, когда презираемъ ученіе языка своего. — Французы при всемъ своемъ развращеніи въ нравахъ, не переставали приводить въ совершенство языкъ свой. Мы же нестараяся ни мало обогащать своей словесности, погружаемся болѣе и болѣе въ пороки. Что-же изъ насъ будетъ? Греція и Римъ пали; но любомудріе, во образѣ нѣкоего бо-

(*) См. сочиненіе и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія. Іюль 1760, стр. 81.

жества, бесѣдуетъ еще на ихъ развалинахъ, и привлекаетъ странниковъ къ созерцанію оныхъ. Благоговѣніе вселяется въ душу посѣщающихъ мѣста сіи, ставшія толико знаменитыми по подвигамъ древнихъ ихъ жителей, и преклоняющія на сострадание къ настоящему поколѣнію, стонающему въ рабствѣ подъ желѣзнымъ жезломъ невѣжества и тиранства. Франція и другія Царства заслужили также предъ потомствомъ и человѣчествомъ: что же мы о себѣ скажемъ? Какое мѣсто опредѣлитъ намъ потомство между другими народами? Какія похвалы припишетъ намъ поколѣніе наше? Какими дѣлами подвигнемъ мы сыновъ нашихъ на благодарность? Предки наши покрылися лаврами славы и поддержали знаменитость имени своего мужествомъ и благоразуміемъ: самыя бѣдствія, въ которыя рокъ ввергалъ ихъ, послужили къ усугубленію сіянія ихъ дѣяній, къ новому украшенію ихъ жизни, къ вящему удивленію и къ большей благодарности вѣковъ послѣдующихъ. Какъ солнце, на время сокрытое тучами, съ новымъ велелѣпіемъ является міру, и лучи его сугубо, кажется, проливаютъ на все твореніе жизнь, сообщаютъ всему силу и крѣпость, питаютъ чистѣйшими соками и всюду простираютъ тайную нѣкую радость, какъ бы въ награду за то, что тучи удержали на время благотворное ихъ дѣйствіе: такъ предки наши совершили высокое свое дѣло. Не взирая на всѣ напасти и бѣдствія, въ какія ввергали ихъ непріязненныя имъ державы, они со славою побѣдили ихъ силы, разрушили ихъ злобныя замыслы, расторгли тайные ихъ ковы, и освободя свое отечество отъ непримиримыхъ враговъ своихъ, утвердили его на незыблемомъ основаніи Вѣры и Закона, обогатили своими добродѣтелями и украсили подвигами. Даруя тишину и спокойствіе, мнится мнѣ, они вѣщали намъ. „Потомки! кромѣ однихъ бѣдствій и горестей, съ рабствомъ и неволею отъ отцовъ нашихъ въ наслѣдство къ намъ перешедшихъ, мы „ничего болѣе не стяжали. Нѣкогда было намъ „помышлять о той славѣ, которою въ самыя отдаленныя времена древности гремѣли предки нашихъ предковъ, когда Бояны рокотали на звучныхъ и согласныхъ лирахъ своихъ знаменитыя „дѣянія между ими болѣе отличившихся воевъ;

„едва преданіемъ нѣчто намъ сохранилось о сей ихъ „знаменитости. Съ превратностію людскаго жребія, все у насъ было отнято. Время потребило „все то, чемъ слово и любомудріе нѣкогда награждали прародителей нашихъ, подъ именемъ Славянъ „всему кругу земному извѣстныхъ. Руки наши, менѣе уже искусныя, не въ златыя струны Лиры „ударять обыкли, но укрѣпился въ натяцаніи и метаніи лука и въ обращеніи и употребленіи меча: „первымъ изощряя наши взоры научались безошибочно „достигать враговъ нашихъ, хотя бы они и въ „отдаленіи находилися; другимъ умѣли мы наказывать ихъ дерзость, когда отваживались они въ „близости измѣрять съ нами свои силы. Спасеніе „нашего Отечества свидѣтельствуетъ о сей истиннѣ; и вы сами видите, что мы не оставили Вамъ ничего такого, за что могли бы Вы укорять нашу память. И мы надѣемся, что вы не „будете къ намъ толико неблагодарны, чтобы „приписали цѣлому народу тѣ бѣдствія, которыя „постигли насъ отъ неразумія, буйства и властолюбія частныхъ правителей. Стыдъ ихъ мы омыли нашею кровію. Вы не можете ступить ни одного шагу безъ того, чтобы та земля не была „обагрена ею и не скрывала праха сокрушенныхъ „костей нашихъ. Словомъ, мы тщились дѣйствовать такъ, чтобы вы не стыдились именоваться „Славянами, и не токмо не унижались, но паче „гордилися вашими предками. Но сія воинская слава дорого намъ стоитъ. Не подъ наметами Бога брани „обитаютъ Музы, не подъ его знаменами услаждаютъ онѣ своимъ пѣніемъ, не въ обнаженномъ полѣ ликовствуютъ онѣ, не посреди тернія общихъ „бѣдствій взращаютъ плоды наукъ. Такъ, передая „вамъ славу оружія нашихъ предковъ, мы не могли „вмѣстѣ съ нею передать вамъ и драгоцѣнныхъ „ихъ познаній, временемъ, домашними раздорами и „нашими врагами въ конецъ почти истребленныхъ. „Однѣ догадки и сумнѣнія мы вамъ оставили о „томъ, что было единою нѣкогда истинною. Иноплеменные люди называютъ насъ варварами, но „наши добродѣтели, которыя спасли отъ ихъ хищныхъ рукъ отечество наше, убѣдятъ васъ, что „такое о насъ мнѣніе внушаетъ имъ паче собственное ихъ невѣжество и гордость, нежели

„сущность самаго дѣла. Спросите у самыхъ Музъ, „онѣ-ли токмо составляютъ просвѣщеніе народа, „или сего добродѣтели, кои воспѣвать онѣ вмѣня-„ютъ себѣ въ славу? И отвѣтъ ихъ посрамитъ „сіе ложное о насъ заключеніе. Не успѣли мы на-„сладиться плодами побѣдъ нашихъ, не успѣли „пожить въ тишинѣ и вкусить спокойствіе. Сіе „мы вамъ предоставили; вамъ остается оправдать „дѣла наши и показать свѣту, что по-„томки Славянъ умѣютъ быть и наперсниками „Марса и любимцами Музъ; ратоборствовать и „украшаться познаніями. Не оставивъ вамъ въ на-„слѣдство наукъ, мы оставили языкъ, колико бога-„тый, сильный, толико пріятный и согласный; „языкъ, который по удобности выражать са-„мыя отвлеченныя понятія, свидѣтельствуетъ „тѣмъ, что онъ не есть произведѣніе токмо не-„вѣжества, но дѣло народа нѣкогда своимъ просвѣ-„щеніемъ славившагося. И се! есть лучшій памят-„никъ нашихъ бытописаній, памятникъ крепчае „мрамора и мѣди. Иноплеменные, называющіе насъ „варварами, сугубо достойны сами такими имено-„ваться: ибо видя Нильскіе пирамиды, они умству-„ютъ о просвѣщеніи жителей Египта, а не обрѣ-„тая на поляхъ нашихъ равныхъ сооруженій, заключа-„ютъ изъ того о нашемъ невѣжествѣ. Но сихъ ли до-„казательствъ требуетъ и ищетъ умъ просвѣ-„щенный, и потому-ли только мы предъ ними ви-„новны, что они не разумѣли читать нашего па-„мятника, въ языкѣ сохранившагося? Ибо въ со-„вершенствѣ пребывающій языкъ и хладные камни „толико между собою разнятся, колико умъ прево-„сходитъ вещи неодушевленнныя. Сей языкъ об-„ратите въ дѣло, и покажите, что вы Славяне и „по славѣ оружія и по славѣ многообильнаго слова." (10)

Такъ, мечтаю я, вѣщали-бы предки наши, когда бы они простерли къ намъ свое слово. Но естьли они молчали словомъ, то витійствовали дѣлами; и доказали, что народъ освобождающійся самъ собою отъ бѣдства, есть добродѣтеленъ; а добродѣтель не можетъ назваться невѣжествомъ; и тотъ, кто его варварскимъ называетъ, самъ на себя свидѣтельствуетъ, что онъ въ заблужденіи, а заблужденіе есть уже признакъ невѣжества. Такъ долженъ разсуждать всякой Россіянинъ, а не прини-

мать постыднымъ образомъ предразсудковъ чуждыхъ народовъ. Такъ учитъ насъ разсуждать и сочинитель книги разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ. Послѣдуя ему, я сопровождался на пути сихъ разысканій съ какимъ-то тайнымъ утѣшеніемъ, какое любовь къ отечеству даруетъ истымъ сынамъ его. Внутренное убѣжденіе утверждало меня болѣе и болѣе въ справедливости его разсужденій; и естьли бы сначала я былъ и противнаго съ нимъ мнѣнія, то послѣдствіе всѣхъ сихъ мыслей и чувствованій, возрождавшихся во мнѣ попеременно, когда писалъ сіе, наконецъ примирили бы меня съ нимъ. Не оправдывать я хотѣлъ книгу его; ибо на что оправданіе тамъ, гдѣ истинна ясна сама собою. Я желалъ только увѣриться, въ чемъ укоряли его противники; и читая ихъ всѣхъ, примѣчалъ и за движеніемъ моего сердца и за внушеніями разума. Первое, обращая меня къ любви отечества и ко всему тому, что въ ономъ есть для насъ драгоцѣннаго, научало любить его; а со вторымъ переходя отъ одного умствованія къ другому, и видя всю твердость и вѣрность заключеній сочинителя о слогѣ, привыкалъ вѣрить ему и тамъ, гдѣ по принятымъ мною прежде предубѣжденіямъ, могъ бы съ нимъ быть и не одинакаго мнѣнія. Но то и другое вмѣстѣ заставляетъ меня при изслѣдованіи началъ, коими онъ самъ руководствовался, уважить его просвѣщеніе и почтить долголѣтные труды, въ пользу отечества имъ понесенные.

Войдя съ разсмотрѣніемъ, нужнымъ для толь важнаго предлога, въ причины, побудившія Сочинителя книги о старомъ и новомъ слогѣ возстать на чинимое новѣйшими писателями злоупотребленіе въ отечественномъ языкѣ, поступимъ теперь съ тѣмъ же свѣтильникомъ науки раздробленія и при разсмотрѣніи самаго языка нашего. Перейдемъ отъ причинъ къ дѣйствіямъ, и научимся всюду почитать единую токмо истинну, и въ ней любить славу своего отечества; и наконецъ увѣримся, что любьви къ отечеству безъ любленія языка своего также не можно существовать, какъ и дыму безъ огня. (11)

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1). О языкѣ отечественномъ говорятъ намъ въ дѣтствѣ нашемъ весьма невыгодно; робенокъ разсуждать самъ не можетъ, а иностранцы, а за ними и нѣкоторые безразсудные Русскіе, пользуяся симъ временемъ, толико благопріятствующемъ ихъ намѣреніямъ, внушаютъ ему свои мнѣнія: но всякой робенокъ имѣетъ свое умословіе, всегда вѣрное, когда хотятъ вести его къ истиннѣ, и всегда опасное, когда употребляютъ оное орудіемъ къ заблужденіямъ. Робенокъ разсуждаетъ весьма справедливо о тѣхъ вещахъ, о которыхъ скажутъ ему со всею точностію, ясностію и простотою, и всегда почти умѣетъ выбрать лучшее; нерѣдко выборъ его бываетъ еще вѣрнѣе нежели людей взрослыхъ, которымъ предразсудки мѣшаютъ хорошо видѣть вещи: сіе не противурѣчитъ однако выше сказанному, что робенокъ разсуждать самъ не можетъ. Растолкуйте ему только просто и ясно то, о чемъ говорить хотите, то есть, вложите въ него на тотъ разъ свой разумъ, и онъ будетъ умѣть предпочесть полезное пустому: ибо не имѣетъ еще предразсудковъ, которые людямъ, часто весьма умнымъ, не даютъ иногда полной свободы разсуждать о всемъ здраво. Сею-то способностію ихъ и не опытностію пользуются иностранцы. Сперва научаютъ они дѣтей говорить языкомъ своимъ; потомъ показываютъ имъ множество на немъ превосходныхъ книгъ, плѣняютъ ихъ воображеніе: ибо дѣтямъ сродно плѣняться пріятнымъ; услаждаютъ слухъ ихъ согласіемъ языка великихъ своихъ писателей; ибо дѣтямъ пристойно любить всякое сладкозвучіе и стройность; направляютъ сердца ихъ чтить имена отличныхъ сочинителей; ибо дѣтямъ свойственно уважать все превосходное; наконецъ побѣждаютъ ихъ разумъ силою всего прекраснаго, всего изящнаго, что есть въ ихъ словесности: ибо дѣтямъ прилично тому легко покаряться, что приводитъ ихъ въ восхищеніе. Такъ обворожаютъ они сердца и умы ихъ. Послѣ сего то показываютъ имъ природной языкъ ихъ, внушаютъ, что онъ бѣденъ хорошими книгами, скуденъ въ знаменитыхъ писателяхъ, недостаточенъ въ правилахъ опредѣленныхъ, робокъ въ словахъ и вы-

раженіяхъ, при всемъ своемъ богатствѣ. Робенокъ разсуждать самъ не можетъ, ибо чтобы разсуждать о чемъ, то нужно имѣть о томъ и понятіе, понятія-же не токмо о языкѣ, но и о чемъ бы то ни было вдругъ не даются; ихъ пріобрѣтаютъ ученіемъ; а дѣти у насъ учатся на передъ языку иностранному, а не своему; слѣдственно имѣя уже о иностранномъ языкѣ хорошее понятіе, а о своемъ вовсе никакого, они судятъ благопріятнѣе о первомъ, нежели о своемъ. Къ сему прибавьте и побѣжденныя уже трудности перваго, а послѣдняго, то есть, своего природнаго, вновь настающія; всякое же затрудненіе не токмо дѣтей, но и возрастныхъ отвращаетъ, а особливо когда уже побѣждены нѣкоторыя; тогда желаютъ отдыхать и наслаждаться; и такимъ образомъ ставши лѣнивы побѣждать трудности, не лѣности уже своей то приписываютъ, когда не успѣваютъ въ языкѣ, но самому языку. Иностранцы поддерживаютъ въ насъ сіе мнѣніе. Но дѣтямъ прилично ошибаться: ибо они судятъ по наружнымъ видамъ; а всѣ наружные виды въ пользу языковъ иностранныхъ, и въ семъ ихъ не обвинять, но оправдать должно: одни родители ихъ достойны за сіе укоризны. Чтобы судить о томъ, отъ чего языки иностранные такъ обильны превосходными писаніями и сочинителями, и отъ чего напротивъ того языкъ Русской какъ въ томъ такъ и въ другомъ недостаточенъ, то для сего нужно знать исторію, обстоятельства, случаи и произшествія народныя; восходить къ причинамъ, шествовать за приключеніями и переходить отъ одного времени къ другому. Все сіе не есть дѣло дѣтей; да имъ сего и внушить не хотятъ и не стараются. Надлежало бы ихъ съ начала учить языку Русскому, побѣдить напередъ его трудности, заставить полюбить его, и сравнивая съ цвѣтущими иностранными языками, представить сихъ прелести, превосходныя на нихъ сочиненія, богатство мыслей и открытій, и знаменитость писателей; указать потомъ на первоначальную тѣхъ языковъ грубость и жестокость; дать примѣтить степени, по коимъ они возвышалися, изчислить главныя причины содѣйствовавшія къ ихъ блеску и славѣ, и въ тоже время раскрыть исторію и своего языка. Все сіе окончивъ, долгъ бы

наставниковъ былъ воспламенить дѣтей тою-же ревностію, разжечь сердца ихъ тѣмъ-же желаніемъ, возбудить ихъ умы тою-же пользою, убѣдить ихъ разумы тою-же любовію къ отечеству, какою двигались, поощрялись и дѣйствовали иностранные народы, и сими способами вселить въ нихъ достойное и похвальное соревнованіе, чтобы они также о томъ помышляли, и въ семъ единомъ полагали свою гордость. Такъ только можно сдѣлать, чтобы языкъ нашъ пришелъ въ совершенство, и чтобы иностранцы захотѣли учиться ему; а не такимъ постыднымъ разсужденіемъ, какое теперь о немъ мы составляемъ. И естьли иностранцы могли плѣнить своими языками, то чего бы нельзя было сдѣлать изъ нашего? Русскіе научитеся лучше разсуждать о самихъ себѣ, научитеся уважать самихъ себя, и вы уважите языкъ свой, съ уваженіемъ къ нему, станете разсуждать о немъ, а разсужденія покажутъ вамъ такія въ немъ сокровища, которыхъ прежде вы не могли видѣть по своей слѣпотѣ и предразсудкамъ! —

(2). Какъ нѣкоторые иностранцы заслуживаютъ отъ насъ всякое презрѣніе, такъ сіи напротивъ того достойны всякаго почтенія и уваженія: ибо, живя въ Россіи, они не токмо не стараются развращать умовъ нашихъ, но дѣлаются еще достойными подражанія. Для таковыхъ гостепріимство должно быть свято соблюдаемо: но ихъ весьма небольшее число въ разсужденіи другихъ. Ими должно пристыжать и самыхъ Русскихъ, и ихъ наипаче отличать и награждать надлежало-бы. Съ величайшею пріятностію и благодарностію я наименую здѣсь тѣхъ изъ нихъ, которыхъ удалось мнѣ узнать въ теченіе семнадцати лѣтъ. Г. Геймъ, Ронже, коихъ имѣлъ я щастіе быть ученикомъ. Оба они прилѣжали къ Русскому языку съ успѣхомъ. Г. Ронже учился ему не намѣренъ будучи остаться въ Россіи, и былъ силенъ въ немъ. Геймъ показалъ уже Россіи колико трудовъ приложилъ онъ для пользы нашей словесности и распространенія языка нашего, и какія обширныя познанія онъ пріобрѣлъ въ немъ. Пусть отечество наравныхъ симъ иностранцевъ щедро расточаетъ дары свои; никто изъ Россіянъ не токмо не позавидуетъ тому, но еще съ отверстыми объятіями

полетитъ обнять ихъ. Здѣсь отдаю я съ удовольствіемъ справедливость Г-ну Вернету весьма успѣвшему въ Русскомъ языкѣ: Г-нъ Триполи также принадлежитъ къ тому малому числу иностранцевъ, кои имѣютъ все право на любовь и уваженіе Русскихъ.

(3. Прежде нежели Фарсальское сраженіе рѣшило участь Римлянъ, и жребій двухъ величайшихъ между ими полководцевъ, каковы были Помпей и Кесарь, Афины приняли сторону перваго, и встрѣчая его, польстили ему искусно въ сихъ словахъ: *Ты потому болѣе подобишся Богамъ, что признаешъ себя человѣкомъ.* Торжествующій Кесарь, вступивши потомъ въ Афины съ вооруженною рукою, могъ бы отмстить за сіе Афинамъ, къ чему и преклоняли его ласкатели, но онъ за лучшее призналъ даровать имъ пощаду, и произнесъ сіи достопамятныя слова. *Афиняне достойны наказанія, но я ради мертвыхъ прощаю живымъ.*

(4). Я говорю отчасти: ибо Нѣмцы не вовсе еще освободились отъ сихъ упрековъ, что доказывается собственнымъ сознаніемъ ихъ писателей. Вотъ что говоритъ Швабъ о своей словесности. " Настоящій нашъ вкусъ не совсѣмъ еще утвердился: самое глупое и нелѣпое сочиненіе не остается безъ того, чтобы оно не было восхвалено въ тысячѣ и одномъ изъ нашихъ журналовъ. Хорошее на равнѣ съ посредственнымъ охуждается; и сумнительно, чтобы Виландъ, какъ стихотворецъ, получилъ отъ согражданъ своихъ дань должной ему признательности, естьли бы онъ началъ съ Оберона, и не выступилъ на позорище увѣнчанный давно уже лаврами. Склонность сія ко всему странному; сіе безуміе хотѣть казаться необыкновенными (которое также имѣетъ, можетъ быть, причину свою въ заблужденіи желать выдавать себя не тѣмъ, чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ); сіе безуміе, говорю я, совершенно погубило прекрасную нашу словесность. Не хотятъ болѣе нравиться, но удивлять какою либо нечаянностію, къ чему напрягаютъ всѣ свои усилія, походящія болѣе на судороги. Что же изъ того раждается? ... Чудовище. Правда и то, что муча себя такимъ образомъ для произведенія чего нибудь новаго и небывалаго, можно кой-гдѣ блеснуть превосходствомъ; но чего оно стоитъ за то читателю! какого терпѣнія! какое должно преодолѣть

ему отвращеніе. Генрихъ IV говаривалъ объ астрологахъ. " Они будутъ до тѣхъ поръ лгать, пока скажутъ правду." Тоже сказать можно и о нѣкоторыхъ нашихъ писателяхъ." Они наговорятъ столько чепухи, что наконецъ и подлинно скажутъ что нибудь превосходное.

5. Я здѣсь доказываю только главныя и общія причины и начала просвѣщенія, а не вхожу въ подробности онаго, и тѣ сокровенныя и едва примѣтныя пружины, которыя, сверьхъ приведенныхъ мною главныхъ причинъ, могли бы способствовать оному: ибо таковое разсужденіе составило бы особую книгу. Я предоставляю также каждому читателю на волю соглашаться со мною, или нѣтъ: не споря ни съ кѣмъ, я ссылаюсь на всѣ вѣки, и на всѣ тѣ Государства, гдѣ только науки и художества процвѣтали. Я не опредѣляю здѣсь и постепенности сего просвѣщенія, которое какъ при своемъ рожденіи бываетъ слабо, такъ по среди поприща своего величественно и прочно, и при вящемъ расширеніи пагубно. Сіи три перемѣны просвѣщенія могутъ опредѣлить и чистоту или развращеніе нравовъ въ народѣ: ибо науки держатся роскошью, слѣдственно и всѣ бываемыя въ нихъ перемѣны ею-же пропроизводятся. Роскошь же можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Начало ея, довольство; послѣдствіе избыточество; а конецъ богатство. Первое рождаетъ науки; второе питаетъ ихъ, а третіе губитъ. Первое дѣлаетъ насъ умѣренными, второе щастливыми, а третіе прихотливыми, и слѣдственно злополучными. Гдѣ довольство и умѣренность тамъ пріятны науки и тверды нравы; гдѣ избытокъ и щастіе, тамъ и науки полезны и нравы утѣшительны; но гдѣ богатства и прихоти, науки тамъ вредны и гибнутъ нравы. Почему и неудивительно, что тѣ Государства близки къ своему паденію, гдѣ послѣдняя перемѣна въ нравахъ, наукахъ и роскоши примѣчается.

6. Отцы наши воспитать уже насъ желали какъ нибудь, только чтобъ не по Русски, и чтобъ чрезъ воспитаніе наше мы не походили на Россіянъ. Въ ихъ вѣкъ просвѣщеніе, дошедшее къ намъ отъ Французовъ, казалось имъ такъ изобильно водворилось въ отечествѣ нашемъ, что знатный одинъ господинъ въ тысяча семь сотъ пятдесятъ не

помню которомъ-то году, съ восторгомъ говоря пріѣхавшему вновь сюда, доказывалъ ему, о просвѣщеніи тогдашнемъ, тѣмъ что завелись уже въ Россіи Marchandes de modes. Французскіе обойщики, швейцары, и наконецъ, о дивное дѣло! что установлена и лоттерея; хотя барышъ съ оной получаемый не въ помощъ бѣдныхъ, больныхъ или престарѣлыхъ употребляемъ былъ. Тогда танцмейстеры, Французскіе учители, или мадамы по ихъ мнѣнію все воспитаніе совершали; хотя съ улицъ Парижскихъ безъ пропитанія шатающіяся, или отъ заслуженнаго въ отечествѣ своемъ наказанія укрывающіяся оными воспитательницами по большой части бывали.

Не рѣдко случалось слышать, особливо въ Замоскворѣцкихъ съѣздахъ или бесѣдахъ, какъ то на родинахъ, имянинахъ или крестинахъ: что ты матушка своей мямзели даешь? — Дарага праклятая дарага! да что дѣлать; хочется воспитать дѣтей своихъ благородно: сто восемдесятъ рублей деньгами, да сахару по пяти и чаю по одному фунту на мѣсяцъ ей даю. — И матушка! я такъ своей больше плачу: двѣсти пятдесятъ рублей на годъ, да домашнихъ всякихъ припасовъ даю довольное число. Правдý сказать, за то она уже моетъ кружево мое, и чепчики мнѣ шьетъ; да и Танюшу выучила чепчики дѣлать. Ныньче матушка ужъ и за мужъ дочери не выдашь, коли по Французски она говоритъ не умѣетъ; а постричь не льзя же. Какъ быть! да я и сама таки люблю Французское благородство, и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ не ударитъ. — Учителями же бывали не только Парижскіе лакеи, но и таковые, которые уже и въ Россіи ливрею носили.

Воспитаніе сіе не только не полезнымъ, но и вреднымъ назваться можетъ: ибо лучше бы было Танюшѣ не умѣть чепчиковъ шить, кружева мыть и по Французски болтать, да не имѣть и тѣхъ гнусныхъ въ головѣ и сердцѣ чувствованій, кои подлая и часто развратная Французская дѣвка ей впечатлѣваетъ. Она бы могла быть лучшею женою, матерью и госпожею, естьли бы, не зная худо чужаго языка, природному своему языку выучена была, и естьли бы она имѣла любовь къ отечеству вмѣсто пренебреженія, кое мамзелюшки къ оному

дѣтямъ вперяютъ; почтенiе къ родителямъ; любовь къ порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, вѣтренность и небреженiе въ себѣ показывала: тогда бы можно было заключить, что родители ея правильнѣе о словѣ воспитанiе понятiе имѣли, нежели Танюшино поведенiе подаетъ поводъ думать.

Воспитанiе, которое мы дѣтямъ своимъ даемъ, еще болѣе разнствуетъ съ воспитанiемъ, кое прапрадѣды дѣдамъ нашимъ давали. Мы еще болѣе удалились отъ справедливаго смысла, заключающагося въ словѣ воспитанiе, прибавя къ разврату, которой учители и мадамы въ сердца дѣтей нашихъ сѣютъ, развратъ, которому предаются дѣти наши, путешествуя безъ инаго намѣренiя, о кромѣ веселiя, безразсудка, безъ нужнаго примѣчанiя, и погружая себя въ Парижѣ или въ Страсбургѣ только въ праздность, роскошь и пороки, съ истощеннымъ тѣломъ, съ истощеннымъ смысломъ и кошелькомъ домой безпоправочны возвращаются. А какъ пребыванiе въ Парижѣ по ихъ мнѣнiю имъ даетъ поверхность надъ тѣми, кои въ немъ не были, и какъ при томъ число не бывшихъ въ Парижѣ почти можно щитать какъ 1 противу 1000; то по мѣрѣ сей препорцiи и высокомѣрятся, во всякомъ случаѣ отличаются такою надмѣнностiю; что и въ собранiяхъ, для коихъ они только себя и прочили, несносными себя дѣлаютъ. Не въ полѣ, не въ совѣтѣ или служенiи отечеству они себя отличить и посвятить хотятъ: танцы, клавикорты или скрыпка, разговоры о театрахъ, и дѣйствующихъ на оныхъ: вотъ благородное и пространное поле, которое наши дѣти выбрали, и на коемъ отличиться желаютъ. Наглость и надмѣнность, обыкновенные спутники незнанiя, и въ сообществахъ быть вожделѣнными имъ препятствуютъ; ибо они такъ надоѣдаютъ, перебивая у всѣхъ рѣчь, говоря о всемъ рѣшительнымъ образомъ, пренебрегая все то, что здѣсь видятъ, а рѣшенiя свои свыше всякой апеляцiи считая, для того, что они были въ Парижѣ, по чему обнаживъ на конецъ свою вѣтренность и ничтожество, перестаютъ скоро быть зваными или желаемыми и въ самыхъ тѣхъ собранiяхъ, гдѣ кажется другаго намѣренiя нѣту, какъ только время проводить; или лучше

сказать потерять оное. Дочери наши стараются мотовствомъ своимъ прославиться. Petite santé и Vapeurs, есть щитъ и шлемъ, коими они защищаются, или подъ коимъ укрываются, когда имъ родители или разсудительной мужъ представлять станутъ что либо вопреки того, что онѣ думаютъ Французская Maniere de vivre узаконяетъ. Романы читать, на Клавикортахъ и Арфѣ бренчать есть главное ихъ упражненіе. Родители хорошихъ правилъ дѣтямъ своимъ не вперяютъ, къ размышленію ихъ не пріучаютъ; чему же дивиться, когда такъ мало браковъ совершаются, или что совершившіеся скоро разрываются. Основательно мыслящій молодой человѣкъ для того жениться опасается, чтобъ съ женою онъ не получилъ и долговъ, на оплату коихъ имѣнія его недостаточно быть можетъ; легкомысленный Парижскій Россіянинъ не женится для того, что c'est du bon ton быть холостымъ, и для того, что не хочетъ умножить трудностей, коими онъ уже обремѣняется, увертываяся и обманывая своихъ кредиторовъ. И наконецъ для того, чтобъ не терять на воспитаніе дѣтей и домостроительство своего времени, которое онъ на театральныя дѣйствія употребляетъ; онаго бы недоставало ему для ученія роли, кои онъ въ комедіи или драмѣ съ такою славою и съ собственнымъ удовольствіемъ представляетъ, естьлибъ онъ должность мужа женатаго на себя предпринялъ. (о смыслѣ слова воспитанія, см. Собесѣд. любит. Россійскаго слова. Часть II 1783 стр. 14).

7. Въ одномъ ученомъ иностранномъ журналѣ сказано о книгѣ Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. Хотя сія книга не содержитъ въ себѣ полнаго риторическаго курса, однакожъ она достойна занимать почетное между классическими сочиненіями мѣсто. Скромность понудила сочинителя умолчать о своемъ имени, но благодарность соотечественниковъ его требуетъ, чтобъ оное было извѣстно. Г-нъ Вице-Адмиралъ Шишковъ есть творецъ сея книги. Онъ соболѣзнуетъ о нынѣшнемъ состояніи Россійской словесности, и доказываетъ, что хотя новѣйшіе писатели и говорятъ о себѣ, якобы они прилагаютъ попеченіе о приведеніи языка своего въ совершенство, но въ са-

момЪ дѣлѣ паче о всеконечномЪ разрушеніи его пекутся, вводя вЪ него чужеязычныя выраженія, и стараясь словамЪ новыя давать знаменованія. Злоупотребленіе сіе происходитЪ отЪ привычки кЪ единственному чтенію иностранныхЪ писателей, и отЪ пренебреженія или лутче сказать отЪ совершеннаго незнанія драгоцѣнныхЪ сокровищь и преисполненныхЪ краснорѣчія сильныхЪ мѣстЪ, находящихся вЪ собственномЪ ихЪ языкѣ, и могущихЪ служить примѣрами благороднаго слога. Таковы суть всѣ книги переведенныя сЪ Греческаго на Славянскій языкЪ, нынѣшняго Россійскаго корень и источникЪ, изЪ котораго сіи переводчики, большою частія Епископы, монахи и священники почерпали тотЪ духЪ и силу, какая вЪ переводахЪ ихЪ существуетЪ, и которую они изЪ превосходныхЪ примѣровЪ заимствовали. Достойно примѣчанія, что сіе было вЪ XVI. XIII и XII столѣтіи, когда РусскихЪ почитали дикими и малымЪ чемЪ просвѣщеннѣе народовЪ, обитающихЪ вЪ Канадѣ и новой Голландіи. ПриведемЪ себѣ на память, что НесторЪ, первой Русской дѣеписатель, котораго многіе иностранцы по ошибкѣ или невѣдѣнію, не монахомЪ бывшимЪ вЪ ѲеодосійскомЪ монастырѣ, но самимЪ ИгумномЪ ѲеодосіемЪ называютЪ, жилЪ вЪ срединѣ XI. вѣка, и что лѣтопись его, отЪ 858 года начинающаяся, и 250 лѣтЪ времени вЪ себѣ содержащая отЪ другихЪ духовныхЪ особЪ до 1203 года продолжаема была. Велико, что по раздѣленіи области Россійской на многія малыя владѣнія, многія изЪ оныхЪ собственныхЪ своихЪ между монахами дѣеписателей имѣли, отЪ которыхЪ, не взирая на всеснѣдающее время и страшныя смятенія, Россія, при всемЪ ея отЪ удѣльныхЪ властей опустошеній, сохранила однакожЪ нѣкоторыя памятники, показующіе древность Славенскаго языка, и чистоту, сЪ какою предки РускихЪ обЪяснялись, которыхЪ мы, по несправедливымЪ о нихЪ сказкамЪ иноземцевЪ, за дикихЪ почитать привыкли. Велико также, что ни какой почти переводЪ сЪ Греческаго и Еврейскаго на Французской или Нѣмецкой, или на всякой другой новой языкЪ не можетЪ сравниться сЪ СлавенскимЪ переводомЪ, и что ни дѣянія АпостоловЪ, ни Псалтырь на ФранцузскомЪ или НѣмецкомЪ языкѣ, не достигаютЪ до той прекрасной простоты,

силы и краткости, до какой Славенскій переводъ возвышается.

Сіи суть орудія, которыми сочинитель противниковъ своихъ побѣждаетъ. „Кто бы подумалъ „говоритъ онъ, что мы, оставя сіе многими вѣка„ми утвержденное основаніе языка своего, начали „вновь созидать оный на скудномъ основаніи Фран„цузскаго языка? Кому приходило въ голову съ „плодоносной земли благоустроенный домъ свой „переносить на безплодную болотистую землю?“ Во кругъ сего средоточія все сочиненіе его обращается, и нынѣшнее воспитаніе дѣтей почитаетъ онъ главною, и даже единственною причиною втѣснившихся въ Россійской языкъ нововведеній. „Ка„кое знаніе, продолжаетъ онъ, можемъ мы имѣть „въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знат„нѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ „юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у „Французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, на„учаются презирать свои обычаи, не чувствитель„но получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, „говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе нежели своимъ, „и даже до того заражаются къ нимъ пристра„стіемъ, что не токмо не стыдятся не знать „онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣй„шимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкото„рымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ хваста„ютъ и величаются? Но какимъ образомъ воспре„пятствовать, чтобъ болѣзнь сія не усилилась? „Послушаемъ самаго писателя: мы языка своего не „любимъ, но знаемъ ли мы оный? Какому Волтеру, „Жанъ Жаку, Корнелію придетъ въ голову обучать „насъ оному? (*) Станемъ, прежде чемъ иностран„ныхъ писателей, читать своихъ; станемъ цер-

(*) Здѣсь Нѣмецкій разсматриватель не точно переводитъ слова Рускаго подлинника, въ которомъ сказано: „Какую пользу принесетъ намъ чтеніе иностранныхъ книгъ, когда не будемъ мы читать своихъ? Волтеры, Жанъ Жаки, Корнеліи, Расины, Моліеры, не научатъ насъ писать по Русски:“ Впрочемъ и всѣ нижеписанныя имъ выписки не сряду изъ подлинника, но сокращенно изъ всего сочиненія почерпнуты, какъ самъ разсматриватель ниже сего скажетъ.

„ковныя книги читать, буде не для удовольствія,
„такЪ для того, чтобЪ познать изЪ нихЪ основаніе языка своего, открыть источникЪ онаго, почерпнуть духЪ его и силу. Тогда только можемЪ „мы безЪ предубѣжденія противЪ языка своего „учиться чужимЪ языкамЪ. ПознавЪ природной „языкЪ свой, мы пріучимся любить оный, находить „вЪ немЪ сладость, говорить имЪ свободно и складно, писать на немЪ чисто и краснорѣчиво. Станемъ перенимать у ФранцузовЪ, но не обороты „ихЪ рѣчей, а попеченіе и трудолюбіе, которымЪ „обогатили они бѣдный языкЪ свой."

Всѣ сіи разсѣянныя во всемЪ сочиненіи разсужденія, о которыхЪ мы весьма легкое токмо даемЪ понятіе, доказываютЪ тѣмЪ больше здравый судЪ сочинителя, что онЪ, чрезЪ сличеніе стараго сЪ нынѣ употребительнымЪ образомЪ писанія, худость сего послѣдняго приводитЪ вЪ очевидную ясность. ДоказательствомЪ, что не упрямое кЪ старинѣ пристрастіе понудило его изрѣчь строгое противЪ нынѣшнихЪ писателей сужденіе, можетЪ служить то, что хорошіе приведенные имЪ примѣры не изЪ библіи единственно и церковныхЪ книгЪ взяты, но такожЪ и изЪ славнаго Ломоносова, котораго онЪ первѣйшимЪ ФранцузскимЪ лирикамЪ (Мальгербу и Руссо:) предпочитаетЪ, а именно преложенную имЪ вЪ стихи кЪ чести ЖанЪ-Баптиста оду, переводомЪ которыя ЕлисаветинЪ пѣвецЪ пріобрѣлЪ высокую славу (*). Сочинитель говоритЪ также и о Сумароковѣ которому только глубокаго вЪ языкѣ знанія недоставало, дабы сравниться сЪ РасиномЪ и ЛафонтенемЪ; и о МосковскомЪ Митрополитѣ Платонѣ, котораго рѣчь говоренная при Коронаціи нынѣ владѣющаго ИМПЕРАТОРА преизполнена краснорѣчія. СверхЪ сихЪ многихЪ и другимЪ новѣй-

---

(*) Namentlich Seine zur Ehre des Jean Baptiste gedichtete ode, durch derén uebersetzung sich der Dichter der Elisabeth einen hohen Ruhm erwarb. Сіе мнѣніе не есть сочинителя о старомЪ и новомЪ слогѣ: онЪ ни гдѣ не говоритЪ, что ЛомоносовЪ переводомЪ Руссовой оды пріобрѣлЪ высокую славу. Ода сія переведена конечно хорошо, но собственныя оды Ломоносова далеко превосходятЪ и сей переводЪ его и подлинникЪ ЖанЪ-БаптистовЪ.

шимъ писателямъ отдаетъ онъ всевозможную справедливость. — Такъ есть еще въ Россіи хорошіе писатели? — „Да, но телько тѣ, которые силу и богатство языка своего знаютъ, и потому гонятся за чужими словами не имѣютъ нужды. Однако, добрые примѣры сихъ писателей, худыми примѣрами множества другихъ, заглушаются и становятся безполезными.“ — Но такъ ли Русской языкъ богатъ, чтобъ всякому Французскому слову можно было находить въ немъ равносильное? — „Нѣтъ, но сей недостатокъ во Фрэнцузскомъ языкѣ гораздо чувствительнѣе, и писатели ихъ при переводѣ съ Русскаго еще въ большемъ затрудненіи находится будутъ. И такъ станемъ читать ихъ книги для обогащенія мыслей своихъ и распространенія свѣденій, но станемъ читать и наши для пріобрѣтенія знаній въ собственномъ языкѣ своемъ. Послѣдуемъ примѣру Ломоносова: онъ за великую славу свою сколько природнымъ дарованіямъ обязанъ, столько же и глубокому въ языкѣ знанію, которое пріобрѣлъ онъ чрезъ прилѣжное чтеніе книгъ Славенскихъ. Станемъ въ производство словъ своихъ вникать, и употреблять оныя по свойству нашего, а не посвойству чужаго языка; ибо употребляя ихъ худо, мы привыкаемъ давать имъ новыя знаменованія, и портимъ ихъ вмѣсто того, чтобъ кругъ знаменованія ихъ разпространять (*). — Сего ради сочинитель приглашаетъ согражданъ своихъ общими трудами составить словарь, всѣхъ прежнихъ подробнѣйшій, въ которомъ бы каждое слово многими примѣрами во всемъ пространствѣ знаменованій своихъ показано было и прилагаетъ тому не большой опытъ при концѣ своего сочиненія (**).

(*) Сочинитель о старомъ и новомъ слогѣ полагаетъ два рода злоупотребленій: 1 е что Рускимъ словамъ дается знаменованіе иностранныхъ. (Смотри ясный сему примѣръ на стр. 42 расужденія его). 2 е что чрезъ злоупотребленіе иностранныхъ словъ, собственныя свои, тожъ понятіе означающія, остаются безъ употребленія, и потому кругъ знаменованія ихъ часъ отъ часу уменшается.

(**) Сочинитель не общій словарь разумѣетъ здѣсь, но только тѣхъ Славенскихъ словъ, которыя отъ того

Мы представили здѣсь только главныя мнѣнія сочинителя. Замѣтимъ еще одно, что слогъ его, хотя и могъ бы нѣсколько настоятельнѣе быть, однакожъ чистъ и ясенъ, и что вообще не позволялъ онъ себѣ ничего такого за что обвинялъ другихъ (*).

(8). Не неблагодарными, но нечувственными справедливо должно признать безстыдно однимъ по наслѣдству доставшимся себѣ благородствомъ, хвастающихъ, отечества сыновъ, кои дѣтей своихъ въ невѣжествѣ оставлять не ужасаются. Не льзя не признать, что сіи совы не въ маломъ еще числѣ найдены быть могутъ. Они, по словамъ вашихъ же трудовъ достойнаго соучастника, за довольно почитаютъ, принять въ домъ свой для дочерей мамзель, а для сыновъ парихмакера, обойщика, или по большому танцмейстера изъ Французовъ. — У сихъ развратныхъ невѣждъ, нѣсколько не возвратныхъ младости лѣтъ, проводя дѣти ихъ, вылетаютъ на свѣтъ сколько далекими отъ познанія самихъ себя, слѣпыми въ своемъ законѣ несмысленными въ ученіяхъ, столько надмѣнными мнимою своею просвѣщенностію, и проницательнымъ

мало употребительны и остаются въ забвеніи, что ни гдѣ не истолкованы и не объяснены примѣрами.

(*) Чужеземный разсматриватель вышеозначенной Руской книги почерпнулъ изъ ней сіе мнѣніе. Сколько мнѣ извѣстно, никогда прежде иностранцы языку нашему не отдавали сей справедливости, въ чемъ ихъ и винить не можно: они мало и простонародное наше нарѣчіе знаютъ, но кто же изъ нихъ въ высокомъ Славенскомъ языкѣ такъ искусенъ, чтобъ силу и богатство его разбирать, и красоты онаго, столько же какъ и собственнаго языка своего, чувствовать могъ? Да и сего было бы еще не довольно, естьлибъ онъ другихъ въ томъ не увѣрилъ. И такъ намъ самимъ, намъ, Рускимъ, надлежало бы показать, растолковать имъ оное. Но какъ мы также, больше ихъ книги читаемъ, нежели свои, то и остаются всѣ наши словесныя драгоцѣнности не только отъ нихъ, да и отъ насъ самихъ сокрыты.

остроуміемъ, по коему не стыдятся себя во всякомъ родѣ ученій, знающими щитать. (См. письмо на 156 стр. къ издателямъ собесѣдника любит. Россійс. слова. Часть XI 1784 года),

(9). Кажется однако, что Французской писатель увлекался болѣе общимъ въ его время разумомъ, нежели собственнымъ своимъ убѣжденіемъ: ибо во многихъ мѣстахъ онъ оправдываетъ такое Французовъ прилѣжаніе къ языку своему, чему и причины вычисляетъ. „Сколько я могу примѣтить, говорить онъ, четыре или пять вещей особливо къ „сему способствовали. Во первыхъ завоеваніе покойнаго Короля, которыя весьма владѣніе его распространили; и по нужному послѣдствію пріучили „разные народы говорить нашимъ языкомъ въ „предпочтеніе своего. Второе разсѣяніе Гугенотовъ, которые бывъ выгнаны изъ Государства, „пошли жить въ Англію, въ Голландію, въ Пруссію „и другія государства, куда они съ собою и нашъ „языкъ принесли, и содержали школы; и однимъ „словомъ преподавали его новымъ своимъ хозяевамъ, „почти такъ, какъ поселенія Греческія иногда распространили свой языкъ въ Азіи. Третіе, стараніе, „которое тогда во Франціи имѣли, чтобъ привести въ совершенство нашъ языкъ: вчемъ мы одолжены Французской Академіи, въ правленіе Людовика XIV, котораго царствованіе всегда будетъ „Епоха хорошаго вкуса во Франціи. Четвертое, „щастливая смѣлость нѣкоторыхъ нашихъ писателей, которые писавъ о художествахъ, сочинили „себѣ особливой языкъ, но языкъ хорошей, богатой „и изобильной, такъ, что мы имѣемъ нынѣ довольное число словъ, дабы хорошо писать о всякихъ „матеріяхъ, да и о самыхъ труднѣйшихъ и неспособнѣйшихъ имѣть пріятности. Наконецъ пятое, „великое число хорошихъ Французскихъ книгъ, которые въ послѣдніе сто лѣтъ въ свѣтъ изданы, „и которые чужестранные читаютъ съ толикимъ „же удовольствіе какъ и мы. А понеже обыкновенно „стараются изучится единому языку со упущеніемъ „другаго: то по мѣрѣ какъ стали прилѣжать къ „Французскому языку, и къ чтенію писанныхъ на „семъ языкѣ книгъ, необходимая нужда требовала, „чтобъ тѣмъ меньше рачить о Греческомъ и Латинскомъ. И вотъ первая причина паденію сло-

„весныхъ наукъ; но еще есть многія другія (*).„ Такъ разсуждаетъ сей писатель и жалуется на паденіе словесныхъ наукъ у Французовъ, но у нихъ были уже Аміоты, Вожеласы, Обланкурты, Монтани Фернели, Масдонати, Куяціи, Гассенды, Денарты и многіе другіе по свидѣтельству сего-же писателя. Французы жаловались на то, что переставали у нихъ учиться по Гречески да по Латыни, а мы станемъ жаловаться на то, что забываемъ природный языкъ свой. Кто-же имѣетъ болѣе права? и чье нерадѣніе постыднѣе и вреднѣе? Французы имѣли уже нѣкоторую справедливость отставать отъ чужихъ языковъ, когда имѣли на своемъ тѣже богатства, и хотя сіи богатства были не столь великолѣпныя и блестящія, за то они стали обогощаться другова рода сокровищами, каковыхъ ни на Греческомъ ни на Латинскомъ языкахъ найти не льзя было. На сихъ послѣднихъ одна словесность плѣняла ихъ; они на своемъ природномъ могли также читать, хотя не съ такою сладостію, Гомера, Виргилія, Горація, и обогащаться сверхъ того новыми познаніями и открытіями, какія представляли имъ другія науки, и какихъ чужія языки не могли имъ доставить. Что же насъ понуждаетъ нерадѣть о изученіи языка своего?

(10). Не всѣ у насъ еще, слава Богу! Заражены Франціею; но есть много и такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ читать будутъ описанія нѣкоторыхъ обрядовъ, въ сожитіи Предковъ нашихъ употреблявшихъ; съ неменшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ, и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземскихъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣденіе о своихъ Предкахъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ, но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными. Напоенные Сенскимъ воздухомъ сограждане наши, станутъ можетъ быть пересмѣхать суевѣріе и простоту, или по

---

*) См. сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія, Іюль, 1760 года стр. 75.

ихъ глупость нашихъ Прапрадѣдовъ: но одни ли Россіяне подвержены были суевѣрію? — Пусть припомнятъ господа наши полуфранцузы день святаго Варфоломея: тогда не должно будетъ удивляться, что у насъ нѣкоторыя частныя люди отъ суеввѣрія пострадали. (Виѳліотека часть I.)

(11) Можетъ быть, инымъ странно покажется, что я такъ тѣсно соединяю любовь къ отечественному языку съ любовію къ самому отечеству, и отъ сего союза произвожу великія дѣянія. Такое мнѣніе я довольно часто обнаруживаю въ семъ сочиненіи и какъ бы въ оснаваніе принимаю всего полезнаго и великаго. Но чтобы сего не приписали мнѣ въ пристрастіе, опровергая тѣмъ, что знаменитыя дѣла могутъ раждаться независимо отъ языка, въ чемъ увѣряетъ насъ не токмо дѣеписаніе древнихъ и новѣйшихъ народовъ, но и собственнаго нашего отечества; то въ отвращеніе всякаго недоразумѣнія, я долженъ здѣсь одинажды навсегда сказать, что и я непріемлю мнѣнія сего за непремѣнное правило. Что же здѣсь на него съ такою силою упираюсь, то это въ такомъ случаѣ, когда въ отечествѣ чужеземнымъ языкомъ говорятъ препочтительно предъ своимъ. Естьли въ какой землѣ по недостатку въ просвѣщеніи не брегутъ учиться народному языку, и презираютъ чужеземными, тогда ясно, что любовь къ отечеству не можетъ измѣряться любовію къ языку: но гдѣ гордятся просвѣщеніемъ и пространствомъ познаній, гдѣ славу отечества заключаютъ уже не въ одномъ побѣдоносномъ оружіи, но и въ мудромъ законодательствѣ, и въ распространеніи наукъ и художествъ, а ко всему етому не токмо не прилагаютъ изученія языка своего, но еще предпочитаютъ ему чужестранный, тамъ смѣло можно сказать, что любовь къ отечеству ущербляетея таковымъ къ языку своему охлажденіемъ, или паче небреженіемъ: ибо тогда любовь къ языку есть мѣра любви къ отечеству. Въ таковыхъ обстоятельствахъ сіи обѣ любови должны быть неразрывны; но естьли нѣтъ сего союза, тамъ должно предполагать, что или любовь къ языку или любовь къ отечеству ослаблена; а ослабленіе одной изъ нихъ не можетъ быть безъ того, чтобы не послѣдовало ослабленія въ другой. Отъ сего же обоюднаго потрясенія происходитъ ослабленіе въ нравахъ

отъ куда происшекаютъ уже всѣ развраты, толико гибельныя для государства: какъ напрошивъ шого соединенiе сихъ двухъ любовей можетъ быть источникомъ дѣлъ великихъ и цвѣтущаго состоянiя народовъ; и въ семъ то смыслѣ я прiемлю здѣсь оныя, увѣренъ будучи впрочемъ, что Минины могутъ быть спасителями отечества своего, не бывъ знатоками въ языкѣ; прiемля за неоспоримое равнымъ образомъ и то, что Минины не могутъ сдѣлаться Мининами и избавителями своего отечества, естьли они презрѣвъ языкъ земли своей, предпочтутъ ему языкъ чуждый.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.